

Татьяна
Корсакова

Татьяна Корсакова
Беги, ведьма
Серия «Не буди ведьму», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9066196
Татьяна Корсакова. Беги, ведьма: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78007-5

Аннотация

Белые стены больницы... надрывный скрип колесиков инвалидного кресла... тонкая игла, вводящая в кровь почти смертельный яд... Пожалуй, Арина еще никогда не была так близко к смерти. Она, получившая дар колдовства вместе с черной ведьмовской кровью, сделалась предметом чужих интересов, средством достижения чьих-то целей. Не по своей воле девушка оказалась в частной клинике. Кто она здесь? Пациентка? Нет, скорее узница. «Она сумасшедшая», – говорит об Арине персонал, и в холодных глазах хозяйки клиники ведьма читает свой приговор.

Беги, ведьма, беги, или умрешь.

Татьяна Корсакова

Беги, ведьма

© Корсакова Т., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

*Лучше один день быть человеком, чем тысячу
дней быть тенью.*

Китайская поговорка

– ...А потом они умерли. Все умирают, такова человеческая природа.

Тень склоняет голову, искорка-сердце сверкает чуть ярче, словно ставит точку в конце сказки. Сказки у тени разные, но всегда чем-то похожие. И забываются почти сразу, не нужно даже пытаться их запоминать. Может, потому иногда кажется, что на самом деле тень хитрит, рассказывает одну и ту же сказку?

А потом они умерли...

Это правда. Все умирают. И она тоже умерла. Кажется...

Все умирают, такова человеческая природа...

– А у теней какая природа?

Не то чтобы ей так уж интересно, скорее просто хочется столкнуть уже почти позабытую сказку с накатанных рель-

сов.

Тень отвечает не сразу, и у нее есть время, чтобы рассмотреть по-ученически прилежно сложенные на коленках руки. Они словно чужие: тонкие пальцы, узелки суставов, нити сосудов. Руки полупрозрачные, сквозь них просвечивает ткань джинсов. И черно-синие разветвления вен кажутся диковинным, но не очень красивым узором. Ей становится неинтересно. И вопрос больше не представляется важным, забывается, как и сказка. Тень может не отвечать. Зачем отвечать на вопрос, утративший важность сразу после рождения? Мертворожденный вопрос...

– Какая природа?

Голос тени похож на шум летнего дождя. Наверное. Что такое летний дождь, она тоже почти забыла. В теневом мире воспоминания умирали первыми. Сначала она пугалась, проводила регулярную ревизию памяти и всякий раз чего-то недосчитывалась. А потом привыкла и перестала пугаться. Наверное, потому, что вслед за воспоминаниями пришел черед эмоций. Так объяснила тень, и она согласилась.

– Тень – это тьма, но не черная, а проницаемая, у всякого человека своя. – Искорка-сердце снова мигает, подсвечивает тень золотистым и по самому краю багряным. Раньше багряного не было. Или она просто забыла?

Хочется спросить, так сильно хочется, что узор из вен вздувается и пульсирует в такт золотой искорке. Только бы успеть, пока и этот вопрос не утратил смысл.

– Ты меняешься, – добавила она.

Получился не вопрос, а утверждение, брат-близнец уверенности. И значение этих слов она еще помнит.

– Меняюсь. – Тень кивает, соглашаясь. – Только слишком медленно. Ты сильная.

Она не сильная. Она... почти забыла, какой была, какая есть.

– Не хочешь успокоиться. – В голосе тени – грусть. Или удивление?

– Я хочу.

Успокоение – это как смерть? Надо спросить.

– Тогда не сопротивляйся. – Тень накрывает ее ладони своими, тоже полупрозрачными, с черно-синими руслами пульсирующих вен. – Видишь?

Она видит, но пока не понимает. Она не уверена, что ей нужно понимать. Достаточно сказок, которые рассказывает тень. А еще картинок. Картинки даже лучше сказок. Картинки возвращают потерянные воспоминания.

– Покажи мне, пожалуйста.

– Показать?

Смутно знакомое лицо совсем близко. Когда у тени появилось лицо? Она не помнит, всматривается в черные провалы глаз и не видит там ничего, даже собственного отражения. А раньше видела?

– Мне придется оставить тебя одну. – Полупрозрачные пальцы касаются щеки, но она не чувствует прикосновений.

А раньше чувствовала? – Ты меня слышишь?

Она слышит. Чтобы показать картинки, тень должна уйти. Ненадолго, надолго она никогда не уходит. Бойтся?

Страх – единственное чувство, которое не забывается. Страх – это иголки по истончившейся коже и холод в голове. Страх приходит, когда уходит тень, свивается за спиной тугими кольцами, шуршит в тишине стальной чешуйчатой броней, смотрит так пристально, что холод в затылке переплавляется в олово и тяжелой шипящей каплей сползает по позвоночнику. Когда приходит страх, хочется обернуться.

– Не оборачивайся... – Глаза-провалы все ближе. – Никогда не оборачивайся, и все закончится хорошо.

– Сказка закончится хорошо?

– Сказка... закончится.

Раньше она бы расстроилась, сказки – единственное развлечение теневого мира, но сейчас ей все равно. Только немного страшно.

– Я скоро вернусь.

Это правда, тень никогда не врет и всегда возвращается до того, как она успевает наполниться страхом до самого края. Иногда ей становится интересно, что случится, если тень не вернется, но думать об этом не хочется. Последнее время думать хочется все меньше и меньше. Мысли уходят вслед за чувствами, просачиваются сквозь тонкую ткань теневого мира.

– Веди себя хорошо. – Волос касается легкий ветерок. В

теновом мире нет ветра, это тень ласково погладила ее по голове. – И не оборачивайся. Просто любуйся картинкой.

Ей хочется спросить, что же там, в темноте за спиной, но тень исчезает, и потребность задавать вопросы вместе с ней. Остается только страх и... нетерпение.

...Эта картинка грустная. Небо серое, без просветов, расчерчено черным на одинаковые квадраты. Косой дождь стекает по квадратам мутными струями, мешает смотреть, раздражает. Узловатая ветка с мелкими листочками тянется к ней, пытается нарушить математическую выверенность квадратов. Не дотягивается, висит близко-близко, почти у самого лица. На ветке какая-то мелкая птица, отважная, как канатоходец, рискнувший испытать судьбу в самый разгар бури. Птице не жалко, у нее есть отличная страховка – крылья. Незнакомые, почти забытые слова поднимаются со дна памяти, как всплывают мелкие щепки со дна лужи. Лужа неглубокая, серая, как и небо, в ней отражающееся. Хочется посмотреть, попытаться увидеть... Что? Она не может вспомнить, как ни старается. Просто смотрит, как косые струи дождя почти насквозь пронизывают серую лужу, перемешивая сорванные ветром листья и обломанные стебли шиповника.

Шиповник... слово шипит, шуршит сброшенной змеиной кожей где-то за спиной...

Не оборачиваться. Тень сказала, если не оборачиваться, все будет хорошо.

Первая игла из тысячи впивается в основание шеи. Не больно. Пока не больно. Холод в затылке загустевает, превращаясь в хрустальный шарик. Если качнуть головой, шарик зазвенит мелодично, как колокольчик. Динь-дон...

А птаха на картинке продолжает бороться с дождем, цепляется за ветку, косит черным, как бусина, глазом. У птахи внимательный взгляд и четкие намерения. Птаха открывает клюв, но перезвон в голове заглушает ее голос. Лучше бы он заглушал голоса тех, кто приходит из ниоткуда сразу, как только уходит тень. Эти невидимые визитеры страшны. От их алчных взглядов хрустальный шарик плавится, а боль от игл становится почти невыносимой. И это страшно, потому что в теневом мире боли нет, потому что теневой мир – это бесконечная сказка, которая сразу забывается, оставляя после себя тоску, почти такую же сильную, как страх. И только картинки спасают от этого непонятного, тянущего, как зубная боль, чувства неправильности происходящего. А еще разговоры с тенью. Но сейчас тени нет, а за спиной в темноте кто-то стоит, и тяжелый взгляд превращает иглы боли в стальные гвозди, заколачивает в тело по самые шляпки. Она шипит, сжимает виски руками, а птаха испуганно срысывается с ветки. С исчезновением единственного живого существа и без того невеселая картинка совсем тускнеет, становится мертвой.

– Ты не справилась. – Этот голос она не слышит, а чувствует. Шляпками стальных гвоздей, впивающихся в

плоть. – Слабая.

– А тень говорит, что я сильная. Врет? – Еще тень не велит оборачиваться, и она не станет. Этого нельзя делать ни за что!

– Тени никогда не врут, просто не говорят всю правду. Такова их суть.

Значит, вот какая у них суть – не говорить всю правду.

– А если спросить?

– А тебе очень хочется спрашивать? – В голосе слышится насмешка. – Тебе вообще много хочется?

Нет. Сказать по правде, ей вообще ничего не хочется, даже сказок. Если только картинок. Картинки позволяют вспоминать и чувствовать, позволяют хотеть...

– Она очень нетерпеливая. Такая же, как ты. – Голос проходится невидимым молотком по невидимым шляпкам невидимых гвоздей, вырывает из горла даже не крик, а сип.

– Больно?

– Больно!

– Это хорошо. Это означает, что шанс еще есть.

– У кого?

– У тебя. Глупая, но сильная. Твоя тень тебя не обманула, а моя кровь не подвела.

Кровь – это что-то густое и черное. У остальных – красное, а у нее – черное. Чужая кровь, непрощенный подарок, от которого только боль и слезы. Кто даритель? Тот, кто стоит за ее спиной...

– Не оборачивайся. – На плечи ложатся тяжелые ладони. Цепкие пальцы больно впиваются в плоть, не стряхнуть, не вывернуться.

– Кто нетерпелив?

– Тень, твоя тень. Ей не стоило оставлять тебя здесь одну, не стоило уходить. Страшно?

– Страшно.

А еще больно. Невидимые пальцы играют на жилах, как на струнах. Она кричит, но не слышит собственного крика.

– Что еще? Что ты чувствуешь?

Хватка слабеет, и ей кажется, вот сейчас она упадет.

Не падает, остается стоять, как подвешенная на ниточках кукла. Ниточки-нервы привязаны к шляпкам гвоздей, и невидимый кукловод решает за куклу, что она должна делать. Руки поднимаются, поворачиваются ладонями вверх. Черный рисунок вен похож на жилки на кленовом листе. Красиво, а с болью можно стерпеться.

– Что ты чувствуешь?

– Мне интересно.

– Что тебе интересно?

– Что там.

– Где?

– В картинках, которые показывает тень.

– В картинках...

Натяжение нитей слабеет, и руки безвольно падают вниз, словно она им больше не хозяйка. Становится обидно. Еще

одно забытое чувство. Пальцы сжимаются в кулак.

– Злишься. – Голос не спрашивает, голос утверждает. Ударить бы со всей силы, до крови. Любой, хоть красной, хоть черной.

Черная кровь. Что в ней особенного? О чем она забыла и сейчас так мучительно пытается вспомнить?

– Это плохое место для всех. Даже для меня. А для такой, как ты, оно смертельно опасно. Странно, что ты до сих пор держишься.

– Какая я? Кто я?

– Правильный вопрос. Другой бы спросил, где он, но ты все еще чувствуешь суть вещей. Тебе здесь не место.

– А где мне место?

– Там.

Птаха вернулась, вцепилась коготками в ветку, посмотрела неодобрительно.

– Там красиво.

– Там красиво, потому что там настоящая жизнь.

Жизнь – это ветер в лицо и холодные капли на коже, и запах безвременников, и вишневые лепестки на ладони. Жизнь – это то, что она почти забыла, от чего добровольно отвлеклась ради чего-то очень важного.

– Она поспешила, твоя тень. Ты еще не все забыла, а она решила, что уже может уйти.

– Куда?

– В настоящий мир, чтобы когда-нибудь поменяться с то-

бой местами.

– Поменяться местами?..

– А ты не знала? Не слышала никогда этой сказки? – В голосе – насмешливое удивление. – Слишком поздно я тебя встретил, слишком мало сказок рассказал.

Сказок... Сказки ей рассказывала бабушка. Когда-то очень давно, уже и не вспомнить когда. Те сказки сладко пахли леденцами, от которых ладошки становились липкими. Те сказки перетекали в веселые и радостные сны. Были и другие, уже почти забытые, с запахом пыли, мокрой собачьей шерсти и грозы. Эти сказки оставляли на ладони черную лужицу крови и прорастали в жизнь кошмарами. Эти сказки рассказывал умирающий старик. Сказки шли довеском к чему-то страшному, но неизбежному, как майская гроза.

Картинку перечеркнула белая молния, на мгновение расколола на две совершенно одинаковые половинки. Птаха испуганно взмахнула крыльями, но осталась на ветке.

Страшные сказки ей рассказывал... Сказочник!

– Не оборачивайся! – Тяжесть чужих рук на плечах делается невыносимой. – Не вздумай на меня смотреть.

– Почему?

– Потому что соблазн убить тебя и без того слишком велик. Мне тяжело, девочка. Мир теней одинаково немилосерден как к живым, так и к мертвым. Это плохой мир.

– А я, я какая: живая или... мертвая?

– Живая. Пока. Тебе осталось недолго, если...

– Если что?

– Если откажешься от моей помощи.

– И что будет?

– Ты сама станешь тенью. Будешь жить тут. Или не жить.

Не думаю, что у теней есть настоящая жизнь. А потом, может, через сотню, может, через тысячу лет в твой мир придет вот такая же сильная, но глупая, и вы заключите сделку, которую нельзя нарушить. Ты исполнишь желание, тени в этом мастера. И она, та, другая, останется с тобой, а потом и вместо тебя.

– А я?

– А ты вернешься в мир живых.

– Тенью?

– Не тенью, но и не человеком.

– Кем тогда?

– Сумраком в человеческой оболочке.

– Неприкаянной душой?

– У сумрака нет души. Сумрак – это сумрак.

– Я не хочу становиться сумраком.

Картинку снова раскололо на части, послышался гром.

– Значит, тебе стоит попытаться уйти, вернуть себе свою жизнь. Пока я здесь, пока твоя тень отсутствует.

– Я заключила сделку.

– Честная. Честная и глупая. У нас с тобой тоже была сделка, ты приняла мою силу.

– Я стала ведьмой.

Ведьма. Слово не кажется ей ни страшным, ни неприятным. Констатация сути, только и всего.

– Посредственной ведьмой, если уж начистоту.

Ей бы обидеться, да вот не получается. Что ж обижаться на правду!

– Но лучше посредственная, чем мертвая.

– Вы хотите мне помочь?

Желание обернуться, посмотреть Сказочнику в глаза невыносимое.

– Не смей! – Голос оглушает, почти сбивает с ног. – Не смей оборачиваться. Я не затем пришел, чтобы убить, я хочу спасти.

– Почему? – Ей и в самом деле интересно. Любопытство заглушает боль. – Зачем мне помогать?

– Я помогаю не только тебе, но и себе. Так будет правильно.

– Но договор...

– Я не подписывал никаких договоров, и я пришел к тебе, а не к твоей тени. Говори сейчас, пока еще есть время. Ты хочешь вернуться?

Может быть, теневой мир не так уж и плох, может быть, ей стоило подумать, прежде чем ответить? Она не стала думать.

– Да!

– Будет больно.

Словно когда-то выходило по-другому. За все нужно платить.

– Будет больно, и результат неизвестен. В мир живых мне ходу нет. Даже оказавшись здесь, я нарушаю правила.

Хочется спросить, какие тут правила, но она не станет, потому что понимает – Сказочник не ответит.

– Тебе придется справляться самой.

– Как и в прошлый раз. – Она не хочет его уязвить, просто так получается. – Извините.

– Не извиняйся. Мне это не нужно. Я просто предупреждаю, рассказываю о возможных последствиях. Они могут быть... непредсказуемыми. Ты можешь умереть, переступив границу миров.

– То есть гарантий никаких нет. – Ей кажется, что она улыбается. Или это просто гримаса?

– Гарантий нет, есть шанс. Ты сильная. Однажды ты справишься.

– Тогда все было по-другому.

Тогда она умирала, и опасный дар, принятый из рук ведьмака, называющего себя Сказочником, казался единственным шансом на спасение. Тогда ей тоже пришлось пересечь границу, переродиться в ведьму. Что принес ей тот дар? Наверняка ничего хорошего, коль уж она оказалась в теневом мире, коль уж снова встала перед выбором.

– И всякий раз будет по-другому. Радуйся, ты не бежишь по кругу, как загнанная цирковая лошадь. Ты отдаешь, но и получаешь тоже. Это честно.

– Да, это честно.

А картинка меняется. Дождь и птица на мокрой ветке исчезают. Вместо них возникает комната. Светлые стены, высокая кровать, аккуратно застеленная клетчатым пледом, тумбочка, на ней, корешком вверх, раскрытая книга. Хочется увидеть название, и она смотрит. «Сказки Ганса Христиана Андерсена». Снова сказки... И кресло, придвинутое к самому окну. Черный дерматин, строгий хром, прорезиненные ручки, два больших колеса с прилипшим к ободу то ли листочком, то ли конфетным фантиком. В кресле – женщина. Тонкие руки на подлокотниках неподвижны, точно неживые. Русый завиток над ухом, шея, кажущаяся очень длинной из-за коротко остриженных на затылке волос. Легкий наклон головы, будто женщина прислушивается к грозе. А лица не рассмотреть. Никак не рассмотреть...

– Кто это?

– Ты знаешь.

Тяжесть чужих ладоней уже не кажется мучительной, она защищает, не дает потеряться окончательно, успокаивает.

Женщина в кресле на колесах выпрямляет спину, вздрагивает русый завиток, бледнеет тонкая полоска кожи на шее, пальцы впиваются в подлокотники, словно противясь невидимой силе, пытающейся их разжать. Женщина оборачивается медленно, словно нехотя. Может быть, ей тоже нельзя оглядываться?

Лицо похоже на кукольное: высокие скулы, глупо округлившийся рот, пустые незрячие глаза, в которых ничего не

отражается.

– Это не я... – Хочется кричать, но не получается. Хочется умереть, но ее лишили даже такой малости. Она сама себя этого лишила.

– Это не ты, – соглашается Сказочник. – Это она.

– Она?

– Твоя тень.

Руки с тонким рисунком вен взмывают вверх, застывают над головой, скрюченные пальцы скребут воздух. Голова дергается влево-вправо, как у марионетки.

– Она учится управляться с твоим телом, примеряет его, как примеряют новое платье. Пока у нее не слишком хорошо получается, но тени быстро учатся.

В бессмысленных кукольных глазах зажигается огонек. Понимание?... Изумление?... Рот раскрывается еще шире, вены на шее вздуваются от неслышимого крика. И картинка идет трещинками, как разбитое зеркало.

– Зря она оглянулась. – На самом деле Сказочнику совсем не жаль. Наоборот, он рад. Если, конечно, Сказочник вообще способен радоваться. – Тебе не нужно ее бояться. В мире живых тень – это всего лишь тень, даже такая предприимчивая. Она будет слушаться, станет служить верой и правдой. Тени умеют проигрывать и принимать новые правила игры.

– Теперь правила изменились?

– Скоро изменятся. Я разрываю ваш договор, моих сил на это хватит.

Наверное, нужно попрощаться по-настоящему, поблагодарить за то, за что так и не успела поблагодарить, сказать что-нибудь правильное, соответствующее моменту.

– Ты изменишься. Снова. – Голос Сказочника слабеет, превращается в шепот. – И я не могу сказать наверняка, какие это будут перемены.

– Спасибо. – Все ее смятение, вся ее благодарность умещаются в одно-единственное слово.

– Живи!

Толчок в спину бросает ее вперед, грудью на потрескавшуюся, утратившую краски картинку. Острые осколки впиваются в кожу, проходят насквозь, заставляют кричать в голос, молить о пощаде. Она не хочет в мир живых! Там слишком больно, слишком остро. Невыносимо! Но давление все усиливается, проталкивает агонизирующее тело в ошестинившуюся осколками раму, вдавливают в мир, а мир в нее, заставляет умирать от боли миллионы и миллиарды раз, разрывает на мелкие клочки, распыляет на молекулы. Для чего? Чтобы собрать как конструктор уже по ту сторону? Если повезет, если хоть одна из смертей закончится воскрешением...

Не единожды мертвая, насквозь прошитая осколками неласкового мира, она оборачивается. Ей нечего терять!

Он стоит, раскинув в стороны длинные руки. Высокий старик, лицо которого она успела забыть. А позади, за его сутулой спиной, беснуется тьма, мечутся сумрачные тени, упу-

стившие добычу.

– Иди же! – Лицо Сказочника искажено. Ему так же больно, как и ей самой. Если не больше... – И прости меня. Я не думал, что кто-то посмеет...

– Мне страшно! – кричит она перед тем, как умереть в самый последний, самый мучительный раз...

* * *

...Тонкий визг, похожий на звук бормашины, до предела натягивал нервы, вгрызаясь в мозг стозубым зверем, заставлял метаться из стороны в сторону в жалких попытках спастись. Но тело не слушалось, глупое тело забыло, как нужно спастись.

– Жорж, держи крепче! Руку держи!.. – Женский голос злой и немного растерянный. Незнакомый. – И голову.... Лидия, зафиксируй ей голову, пока она не покалечилась. За ее голову наши снимут, если что-нибудь случится.

В руку впивается что-то острое, становится сначала жарко, а потом сразу холодно.

– Орет-то как. – А этот голос густой, прокуренный, и пахнет от человека дешевыми сигаретами. – Все не заткнется никак.

– Жорж, ты бы сам заткнулся. И держи крепче. Крепче, я говорю, держи!

Острое ворочается в вене, одаривая попеременно то жа-

ром, то холодом. А от визга закладывает уши.

— А силищи-то сколько у этих шизиков! — удивляется прокуренный голос. — В ней же весу, как в воробье, а как брыкается! Трои́м не совладать. Почти год сидела чуркой пластилиновой, а теперь брыкается.

— И окно разбито, — дребезжит прямо над ухом визгливый женский голос. — Хелена Генриховна, кто окно-то разбил?

— Разберемся, Лидия. Нам бы сейчас с пациенткой сладить. — Игла выскальзывает из вены, оставляя на коже прохладную дорожку из капель. — Что-то лекарство медленно действует.

— Да оно совсем не действует, — басит тот, кого зовут Жоржем, — никак не уgomонится, убогая. А до того ж смиренная была... Что это на нее нашло?

— Стекло как-то странно разбито, — продолжает жужжать голос той, кого зовут Лидией. — Посмотрите, оно все в трещинках.

— Думаешь, это она его? — Запах табака усиливается, а хватка на руке, наоборот, ослабевает, и позвоночник, до того выгнутый дугой, вдруг теряет жесткость, обмякают напряженные до судорог мышцы, а тело проваливается во что-то мягкое, пушистое. И визг исчезает. Как хорошо!

— Заткнулась. — В голосе Жоржа радостное облегчение, словно ему было так же больно, как и ей, а теперь вот отпустило.

— О чем вы говорите?! Сама она не смогла бы в таком со-

стоянии. – Твердые пальцы ощупывают лицо, оттягивают веко.

Становится слишком ярко и больно, и не получается ничего разглядеть из-за вспыхнувшей в капле слезы радуги. Радуга – это семицветье яркого и живого, ничего общего с бесцветным тeneвым миром. Радуга – это вестница жизни.

От облегчения, от осознания свершившегося чуда хочется плакать, и она плачет. Слезы сбегает по щекам горячими солеными ручейками.

– А что у нее с лицом? – спрашивает та, которую зовут Лидией. – И с руками? И вообще... у нее вся кожа в порезах.

– Это не порезы. – Прохладный палец замирает на пути слез, останавливает ручеек. – Это какое-то... не знаю. Похоже на аллергию.

Это не порезы и не аллергия, это следы, оставшиеся после перехода границы между мирами. И внутри у нее такие же следы, они болят и кровоточат.

– А в стекло кто-то камнем запустил, или ветка во время грозы ударила, – бубнит Жорж.

– Ветка до окна не дотягивается, не говори глупостей. Отодвинься, дай мне ее послушать.

К груди прижимается что-то холодное, не больно, но щежотно, и сердце начинает биться сильнее, отзываясь на прикосновения.

– Тахикардия. Впрочем, после такого приступа ничего удивительного. Жорж, перенеси ее на кровать. Лидия, да от-

пустите вы уже ее голову. Все закончилось, неужели вы не видите?

Ее сгребают в охапку, как куль тряпья, голова запрокидывается, а кончики пальцев чиркают по пластиковому подлокотнику кресла. Тело парит в воздухе, и парение это пугает, сводит уставшие мышцы новой волной судороги.

– Опять, что ли, Хелена Генриховна? – Жорж швыряет ее на что-то пружинно-мягкое. В этом суетливом жесте – страх пополам с брезгливостью.

– Жорж, аккуратно! – Хелена Генриховна, у которой твердые, бесцеремонные пальцы, с каждой секундой раздражается все сильнее. – Лидия, зафиксируйте ее! И прекратите наконец пялиться в окно! Когда закончите здесь, скажете завхозу, чтобы заменил стекло.

На запястьях захлестываются ремни, мягко, но неумолимо тянут руки вниз – фиксируют. Страх накатывает с новой силой, вжимает затылок в подушку, сучит пятками по шерстяному покрывалу, выгибает тело дугой. Она не хочет, не позволит, чтобы ее опять связывали!

– Жорж, помоги! – командует Хелена Генриховна, и в вену снова впивается игла. На сей раз совсем не больно, ласково.

– Все хорошо, Арина. – Кто-то – она не понимает, кто из троих – гладит ее по волосам. – Сейчас вам станет легче.

И ей в самом деле становится легче. Мир превращается в шерстяной плед, укутывает коконом, убаюкивает.

...И снова она пришла в себя от визга, но не назойливого, а едва слышного – металлом по стеклу, а потом сразу же по нервам. Нервы обнажены и растянуты, мягкими кожаными браслетами прикручены к маскирующей под кровать дыбе. Больно. И очень хочется пить.

– Первый раз вижу, чтобы так стекло треснуло... – дребезжит высокий старческий голос, перекрывая не то скрежет, не то осипший визг. – Если бы камнем саданули, так дыра бы осталась, а тут такое дело...

– Какое? – А этот хриплый голос она знает, слышала раньше.

Слышала, но не видела его обладателя. Может, попробовать посмотреть? И она попробовала.

Занавесь из ресниц очень долго не желала подниматься, словно заржавела, прихватилась сыпкой рыжей коростой, и стало страшно, что ржа просыплется мелкой трухой прямо в глаза, ослепит.

– Так какое дело, Никодимыч? – В голосе Жоржа – ленивый интерес.

– А такое, что давление на окно было равномерное. Ну, вроде как огромную подушку к стеклу приложили и надавили со всей силы. Только сила для такого дела нужна немаленькая.

Ресницы поддались, дрогнули, верхние веки поднялись со скрежетом, как проржавевшие ставни. Она затаилась, приготовилась к новой боли.

Боли не было. Во всяком случае, не в глазах. Ощущение песка под веками – это же сущие пустяки.

А мир белый, с серебряными глазками встроенных светильников. Она и в самом деле больна, если приняла за мир самый обыкновенный потолок. Белый потолок, желтые стены, задвинутое в угол кресло-каталка. У распахнутого настежь окна – двое. Первый, рослый, грузный, в небесно-голубой робе и белых тапках, жадно курит, пряча сигарету в кулаке. На фалангах пальцев, поросших редкими жесткими волосками, зеленая наколка «Жора». Она отчетливо видит каждую затертую временем букву.

– Не боишься, что Хелена застучает? – спросил щуплый усатый мужчина в заношенном рабочем комбинезоне.

В нем не было ничего выдающегося, кроме, пожалуй, широкого кожаного пояса с ячейками и крючками. К поясу крепились молоток, плоскогубцы, стамеска и еще с десятков незнакомых Арине инструментов.

– Не застучает. – Жорж выглянул в окно, сплюнул. – В город свалила, на какое-то совещание, а Лидка – свой человек, не сдаст. Да и что там сигареты! Я, Никодимыч, сегодня еще и стопарь пропущу после пережитого стресса.

Арина закрыла глаза за мгновение до того, как Жорж обернулся.

– Что было-то? – Скрипнул кожаный ремень, наверное, Никодимыч извлек из петли инструмент. – Что за переполох, из-за которого сама Хелена посреди ночи примчалась?

– А вот она случилась, психичка эта!

Арина кожей почувствовала шарящий по ее телу взгляд Жоржа.

– Она ж вроде не буйная была. – Инструмент с легким стуком переместился на подоконник. – Сколько она тут? Полгода?

– С прошлого октября.

– Значит, почти восемь месяцев.

Восемь месяцев... Горло сдавила судорога, а нервы, и без того натянутые до предела, казалось, завибрировали. Восемь месяцев!

– Катаlepsичка. – Жорж снова сплюнул. Значит, отвернулся к окну, и можно открыть глаза. – Кукла пластилиновая, манекен. Я, Никодимыч, таких вот тихушников особенно не люблю. Часами сидит неподвижная, пялится в одну точку, слюни пускает. А заглянешь в глаза – и жуть берет. О чем она думает? Что видит?

Не думала... Почти год ни о чем не думала. Восемь месяцев, как одно мгновение. Сказки чередой, и ни одной не запомнила. Сказки не запомнила, себя почти забыла...

– А решетки на окне зачем же, если она тихушница и кукла пластилиновая? – Никодимыч тоже поплевал, только на ладони, чтобы сподручнее было держать инструмент. – Для

тихушников же главный корпус, там вообще, считай, санаторий.

– Спрашиваешь! – Подоконник скрипнул под центнером живого Жорикова веса. – Ты у Хелены спроси. Это ж она у нас хозяйка Медной Горы, что велит, то остальные и делают. Платят за эту убогую денежки немалые, каждый месяц кап-кап зеленые. Заплатили за одиночку с решетками, стало быть, и сидеть ей в одиночке. Да ей-то без разницы, хоть одиночка, хоть главный корпус с остальными тихушниками. Она же ничего не соображает. Овощ!

Неправда! Она не овощ! И соображать, кажется, начинает. А про одиночку с решетками очень интересно. Но больше страшно...

– Я бы на Хеленином месте сунул ее в какую-нибудь камеру, а сюда еще одного богатого шизика пристроил, чтобы жилплощадь не пустовала.

– Вот поэтому ты, Жорик, и не на Хеленином месте. Жадный больно.

– Я не жадный, Никодимыч, я практичный. Если хочешь знать, я вообще не понимаю, зачем с такими вот убогими возиться. Ну какой от них толк? Они ж не понимают ничего, не чувствуют. Вот сейчас сигарету об нее загашу, а она и не пискнет, потому как чурка бесчувственная.

Ошибается толстомордый Жорик, вовсе она не бесчувственная чурка. Уже нет! И если он попробует, если только посмеет... Нервы снова завибрировали, как гитарные стру-

ны.

– Да ты что! Какая ж она тебе чурка?! – Голос Никодимыча тоже завибрировал, от негодования. – Она живой человек, девчонка еще совсем. А ты... сигареты гасить. Фашист ты, Жорик! – И Никодимыч зло сплюнул, а потом загремел инструментами, заглушая смущенное бубнение фашиста Жорика.

Молчание длилось и длилось, лишь изредка нарушалось постукиванием молотка и скрежетом стеклореза, а Арина лежала с закрытыми глазами, постепенно, как к яду, приучая себя к мысли, что жизнь ее теперь вот такая: палата-одиночка с решеткой на окне, инвалидное кресло и ортопедическая кровать с кожаными наручниками. Психушка! Пока тень развлекала ее сказками, тело, оставшееся без присмотра, оказалось в психушке. Как оказалось? Это еще предстоит выяснить.

– Никодимыч... – Приглушенный бас Жорика нарушил молчание. – С сигаретами – это я погорячился, признаю. Я ж не совсем оскотинился.

– А иногда кажется, что совсем. – Никодимыча, похоже, тоже угнетало молчание, потому что в голосе его больше не было прежней брезгливости, разве что усталое раздражение. – У Хелены вместо глаз льдинки, иногда кажется, что не баба, а ходячий калькулятор. Теперь вот ты с этими своими... заявками. Сигареты бы он тушил... – Никодимыч замолчал, снова принялся греметь инструментами.

– А может, я это все со страху? – Бас Жорика упал до едва слышимого шепота. – Может, она только с виду обычная девчонка, а на самом деле...

Никодимыч перестал греметь инструментами, ждал.

Арина тоже ждала. Какая же она на самом деле?

– Она ж вроде как тихая. Катаlepsия у нее. Как посадишь, так и сидит. Руки ей над головой поднимешь, два часа так продержит. Мне Лидка специально показывала. Смотри, говорит, Жорик, какая пациентка чудная, точно кукла. И про катаlepsию объяснила. Типа, есть такой синдром у шизиков, когда они вот такими куклами могут часами, а то и днями оставаться. А с этой случай вообще особый, она такая уже вон сколько. Хелена ею сильно интересуется, и не только потому, что за нее кто-то бешеные бабки отстегивает, а потому что в каком-то смысле она – медицинский феномен. Чего с ней только не делали, как только не лечили, а ей хоть бы хны. Сидит себе и сидит... истуканом. Лидка говорит, бесплодная пациентка, даже жалко ее.

– Это Лидка ей книжку принесла?

– Она. Хелена велела девчонке каждый день сказки читать. Мол, шизикам тоже нужно общение. Вот Лидка, добрая душа, и читала. Она ж правильная, навряд ли тебя. Велено делать, она и делает. Хелену во всем слушается, даже там, где и не нужно.

– Что-то ты больно путано, Жорик, рассказываешь. – Снова раздраженно заскрипел стеклорез.

– Ненавижу, когда вот так, железом по стеклу. Аж челюсть сводит. По-хорошему, давно нужно рухлядь эту деревянную заменить на нормальные стеклопакеты. Бабок, что ли, не хватает?

– Дурак ты, Жорик, тебе б только ломать, а тут же история. Ну что за старинный особняк со стеклопакетами! Это же курам на смех! А стекло заменить мне совсем не сложно, и ломать для этого ничего не нужно. Так что тебя напугало?

– Вот злой ты человек, Никодимыч. – Жорик вздохнул, чиркнула спичка, потянуло сигаретным дымом. – А вот я возьму и не стану рассказывать! Больно нужно...

– Дело твое. – В голосе Никодимыча не слышалось и тени интереса, и Арина едва не заскрежетала зубами от досады, ей было важно знать, что же с ней не так. Ведь что-то же точно не так, психушка – лучшее тому доказательство.

– А пожалуй, все-таки расскажу! Не могу в себе такое носить, сам боюсь свихнуться. Так что, Никодимыч, хочешь не хочешь, а выслушать тебе придется.

– Да говори уже, хватит воду в ступе толочь, заинтриговал. А уж как она заинтригована! До иголок под ногтями.

– Той ночью мы с Лидкой дежурили вдвоем. – Жорик говорил медленно, словно и сам уже сожалел, что начал этот разговор. – И что-то ей там занемоглось, а ты же знаешь, как Хелена относится к таким вещам. Шаг в сторону – сразу штраф. И ведь нагрянуть может в любой момент, дома ей не сидится. Ну вот, Лидка носом клюет, глаза трет, журналчик

какой-то читать пытается, чтобы не заснуть. Стало мне ее жалко.

Никодимыч многозначительно хмыкнул.

– А ты не хмыкай! У меня, может, тоже сердце имеется. Да и к Лидке интерес есть, чего уж там! Говорю я ей: «Иди поспи, я за тебя тут покараулю. Если что, разбужу». Да и что тут за работа – присматривать за каталепсичкой! На койку ее из кресла перетащил, ножки вместе, ручки по швам, пледиком укрыл, сказал «баю-бай» – и все дела. Много ли ей нужно для счастья?

Для счастья надо много, она это точно знает. Вот для начала освободиться от пут. Наручники хоть и мягкие, а держат надежно, руку выдернешь – если только вместе с суставом. Может, и придется... с суставом, если ничего другого не останется.

– Лидка только велела ночник в палате не выключать, типа по инструкции не положено. А как по мне, так зряшная трата денег. Это я тогда так думал, а теперь вот не знаю, что и думать. Мне теперь иногда даже кажется, что я и сам того...

– Чего – того?

– Двинулся. Ты только не смейся, не вздумай даже! Я ж мужик бывалый, у меня пять лет отсидки за плечами, за эти пять лет чего только не навидался, а тогда – вот ей-богу! – нервишки сдали, как увидел.

– Что увидел, Жорик?

– То, что не должен был. Лидка на диванчике прикорну-

ла, а я, значит, за столом. Сажу так, чтобы все двери передо мной: и запертая входная, и открытая, которая ведет в палату. Сидел-сидел и от безделья задремал. Да и что я, не человек, права не имею?

— Имеешь, Жорик. Нынче у нас у всех этих прав хоть соли, вот только живется отчего-то все равно плохо.

— А проснулся резко, как в бок меня кто заточкой пырнул. Сел, глазами хлопаю, башкой мотаю и вижу... — Жорик сделал паузу, затянулся вонючим сигаретным дымом. — Вижу, на стене палаты — тень. Значит, каталепсичка наша в кресле сидит и книжку со сказками листает. То есть саму каталепсичку я не вижу, а только ее тень. Такая, знаешь, странная, вроде как не в больничной пижаме, а в платье с такими рукавами пышными, «фонариками», и прическа высокая, на старинный манер — завитушечки всякие, локоны. Мне бы уже тогда смекнуть, что это «жу-жу» неспроста. Откуда у каталепсички платье с «фонариками» и локоны, когда Лидка ей каждый месяц волосы стрижет в целях гигиены, а платья такие больным по уставу не положены! Я же спросонья о другом подумал, мол, вышла девчонка из ступора, решила на ночь глядя книжечку полистать, сунулся в палату, а там...

И снова молчание, и совсем не драматичное, а растерянное, даже испуганное.

— И что там? — не выдержал Никодимыч.

— Боюсь, не поверишь.

— А ты Расскажи, глядишь, и поверю.

– Не оказалось никого в кресле. Девчонка истуканом в койке лежит, а тень...

– Что – тень?

– Тень сама по себе. Книжку на стене листает, а в настоящей книжке страницы сами переворачиваются.

– Сквозняк?

– Я тоже так подумал. Только окно было закрыто. Откуда сквозняку взяться? И тень опять же... как живая. Я вошел, а она голову повернула... Обе. Сначала тень, а следом и девчонка. Лежала себе, в потолок смотрела, а потом голову повернула и уставилась глазами черными-черными. Смотрит и улыбается, да так, что лучше и не видеть. Обе смотрят... каждая сама по себе.

– Пил? – спросил Никодимыч после паузы.

– В тот день ни капли во рту не было.

– Значит, не проснулся до конца. Приснилось, примерещилось. Спросонья еще и не такое увидишь – да хоть черта с рогами.

– Собаку! Черта с рогами не видел, врать не буду, а вот тень собачью увидел. Худая такая псина, узкомордая. Прямо у ее ног.

– Чьих?

– Тени. Ты не понимаешь, что ли, Никодимыч, о чем я толкую? Ее тут часто видят. Я думал, это шизикам только мерещится, а мне-то уж точно никогда, даже с большого перепоя. А тут – бац! Вот я и думаю, кто рехнулся: я или мир?

– Мир давно рехнулся. Угости-ка сигареткой, коль уж хозяйки нет.

Чиркнула спичка, и палата снова наполнилась дымом.

– Вот и я решил, что мир. В себе-то я больше уверен.

– Лидии сказал?

– Зачем? Вот ты мне не веришь, а она, думаешь, поверила бы? Но понаблюдать решил.

– За кем? – уточнил Никодимыч.

– За обеими, каталепсичкой и тенью.

– И как наблюдения?

– Смеешься, да? А вот никак наблюдения. Хотел на телефон записать, и знаешь что?

– Что?

– Ничего не записалось. Не то что тени, самой палаты не видно. Вот смотри, что получилось.

Все-таки пришлось открыть глаза, чтобы увидеть, как в неуклюжей лапе Жорика появился смартфон каких-то чудовищных размеров.

– Видишь? – Толстый палец, отмеченный полустертой буквой «Ж», с ученическим старанием скользил по экрану смартфона. И язык Жорик высунул. Наверное, от усердия.

– Ничего не вижу.

– Потому и не видишь, что ничего не заснялось. Я потом специально несколько раз проверял. И всякий раз вот такая фигня. Как такое может быть?

– Не знаю. А во всякую такую чертовщину не особо верю.

Может, проектор где-то спрятан?.. – В голосе Никодимыча уверенности не было ни капли.

– Зачем? – спросил Жорик. – Шизикам мультики показывать? А что тогда с записями, которые исчезают? Кстати, о записях. Помнишь, когда эту, – Арина поспешно закрыла глаза, – каталепсичку сюда заселили, Хелена распорядилась установить в палате камеру наблюдения. Типа, девица совсем ку-ку, за ней особый надзор нужен. Так вот камеру пришлось демонтировать, потому что она все время глючила. Теперь я думаю, что это неспроста.

– Погоди-ка. – Арина услышала приближающиеся шаркающие шаги. – А что это у нее с кожей? – Взгляд у Никодимыча был не таким тяжелым и назойливым, как у Жорика. Взгляд этот можно было выдержать. Особенно с закрытыми глазами. – Вся в каких-то трещинах...

– Хелена сказала, что это аллергия. Типа, на лекарства. Ей лекарств этих знаешь сколько ввели, пока угомонили.

– А чего ее успокаивать? Сам же говорил, что она тихушница. А тут, смотрю, еще и привязали.

Скрипнула половица, брякнули прикрепленные к ремню инструменты: Никодимыч вернулся к окну.

– Была тихушницей, а потом словно взбесилась. Я начало концерта не застал, мне Лидка потом рассказала. Гроза сегодня какая была, а? Громыхало так, что собственный голос не услышишь. Вот и Лидка не сразу услышала, что с каталепсичкой что-то не то.

– Сам-то где был?

– Пробки вкручивал. Грозой пробки повыбивало. Лидка говорит, сначала стекло зазвенело, а потом девчонка завизжала, точно ее черти рвут. Лидка бросилась в палату, а тут вот такой тарарам: стекло выдавлено, девчонка визжит и в корчах бьется, а на коже ее выступает кровавая роса, как будто кровь у нее через шкуру выдавливают. Так Лидка сказала, но я думаю, это ей просто с перепугу показалось. Потому что когда я в палату прибежал, крови никакой не было, ни капельки. Только кожа у нее была вот такая. Нет, хуже. Сейчас она уже огурчик против того, какой была.

Да уж, огурчик... Огурчик, который протерли через сито. Но выжила! Как бы то ни было, несмотря ни на что.

– А Хелена сказала, что аллергия. Может, и аллергия, врачам виднее.

– А привязали зачем?

– Хелена велела, чтобы не покалечилась. Была тихой, стала буйной.

– Сейчас вроде нормальная, спит.

– Спит, потому что получила лошадиную дозу успокоительного. Тут любой вырубится.

Она не любой, лошадиные дозы на нее не действуют. Почти не действуют. Но знать об этом никому не нужно. По крайней мере, до тех пор, пока она не разберется, что происходит и как она оказалась в клинике для умалишенных.

Арину оставили в покое только к ночи. Приходила Хелена, разглядывала, ощупывала, заглядывала в глаза, задавала вопросы. От ее прикосновений холод растекался по всему телу, выстуживал позвоночник, рождал пупырышки дрожи на коже, заставлял отстраняться и молчать. Она еще не готова отвечать на вопросы. Ей бы самой получить ответы. Интуиция или черная ведьмакова кровь нашептывали – молчи, еще не время! Сил тоже не было. «Лошадиная доза», которую по приказу Хелены повторили ближе к вечеру, не лишала рассудка, но совершенно обессиливала.

Наверное, Хелена удовлетворилась осмотром, потому что на ее лице появилась и тут же исчезла улыбка. Лицо заслуживало особого внимания. Породистое, холеное, с чеканным профилем, твердым подбородком, жесткой линией губ, оно было похоже на лик античной богини, которая из прихоти явилась в мир простых смертных и, облачившись в белоснежный халат, снизошла до разговора.

– Как вы себя чувствуете, Арина? – Взгляд голубых глаз ощупывал ее так же бесцеремонно и настойчиво, как до этого пальцы. Голос звучал мягко, профессионально. – Вы меня слышите? Вы понимаете, что я говорю?

Арина и слышала, и понимала, но продолжала молчать.

– Вы заставили нас поволноваться, но теперь все будет хо-

рошо. Я надеюсь.

Она тоже надеялась. Все хорошо – это слишком много, но если ей развяжут руки, станет вполне терпимо.

Наверное, Хелена была отличным психиатром или умела читать в душах своих пациентов, потому что спросила:

– Вам неудобно? Прошу прощения, это была вынужденная мера. Мы боялись, что вы себе навредите.

Она уже навредила. Вычеркнула из жизни почти год. Вспомнить бы еще, ради чего. Ее память напоминала мешок с прорехами, часть воспоминаний растряслась и потерялась. Хорошо, если не безвозвратно.

– Но сейчас вы выглядите очень даже неплохо. – Ноготь, покрытый бесцветным лаком, прочертил бороздку на Ариной щеке. – Даже проявления аллергии уже почти исчезли. Замечательно! – Ноготь вдавился в кожу, словно поставил жирную точку в конце сказанного.

Больно не было, было неприятно.

– И я считаю, что вас уже можно развязать. – Хелена убрала руку от ее лица, улыбнулась. – Вы ведь обещаете вести себя благоразумно?

Не обещает, пока не разберется, что есть благоразумие в Хеленином понимании, пока не поймет, что ее благоразумие выгодно не только Хелене.

– Да она и пальцем не шелохнет после такой-то дозы, Хелена Генриховна. – На заднем плане маячил Жорик.

– Жорж, – голос Хелены заледенел, – у тебя есть глубин-

ные познания в фармацевтике?

– Простите, Хелена Генриховна. – Жорик отступил на шаг и даже вроде как стал ниже ростом. – Я просто подумал...

– Тебе не нужно думать, тебе нужно просто выполнять мои распоряжения. Развяжи ее!

К койке Жорик подходил с опаской, бочком, в глаза Арина не старался не смотреть и так же старательно избегал малейшего тактильного контакта, когда расстегивал ремни сначала на лодыжках, потом на запястьях.

– Сделано! – отрапортовал, отходя к окну.

Окно застеклили и закрыли, не оставили ни единой щелочки, отсекали влажный, пахнувший недавним дождем и скошенной травой воздух.

– Как вы себя чувствуете? – в который раз спросила Хелена, и Арина в который раз промолчала.

Разговоры могли расплескать те жалкие крохи памяти, которые еще остались. Она не могла так рисковать.

– Если хотите, можете сесть.

Она хотела, чтобы ее наконец оставили в покое.

– Вставать я вам пока не рекомендую. Вы еще слишком слабы, но прогресс очевиден. – Хелена кивнула, подтверждая сказанное. – Теперь вы с нами. Вы выбрались.

Она выбралась. Не сама, сама бы она не смогла. Из мира теней ее вывел – нет, вытолкнул! – Сказочник, а вот дальше придется самой.

Пауза затянулась. После такой паузы Хелене самое время

откланяться и уйти. И она ушла, но перед этим подалась вперед, приблизила лицо так, что Арина смогла почувствовать запах ее губной помады. Корица и немного ванили...

– Вы ведь расскажете мне? – Этот жаркий шепот предназначался только ей одной. Жорик у окна ничего не услышал. – Вы расскажете мне, что там видели?

Там – это где? В теневом мире?

– Поверьте, мне лучше рассказать. – Губы, подведенные коричнево-ванильной помадой, почти касались Ариной щеки, словно Хелена хотела ее поцеловать.

Арина закрыла глаза, отгородилась от Хелены и назойливого мира густым пологом ресниц.

– Я еще вернусь. – Дыхание Хелены щекотало висок. – Теперь мы будем с вами часто общаться. Возможно, мы даже подружимся. Это ведь очень важно, чтобы между врачом и пациентом не было недомолвок.

Захотелось зажать уши руками, чтобы не слышать этот настойчивый шепот, но руки не слушались.

– Спокойной ночи. – Хелена отошла от кровати. – Надеюсь, вам приснятся интересные сны. Я верю, что сон способен исцелять тело и душу, а вы слишком долго обходились без сна.

Хелена ошибается, наоборот, Арина слишком долго жила во сне. Так долго, что теперь реальный мир кажется ей страшным сном.

– Жорж, ночник не выключай и предупреди Лидию, чтобы

приглядывала за пациенткой. Если что, я на связи – звоните!

Легкие Хеленины шаги, тяжелая поступь Жоржа-Жорика, тихий скрип петель и щелчок запирающегося замка. Наконец-то ее оставили в покое. Теперь можно попытаться вспомнить хоть что-нибудь из того, что было до теневого мира.

Арина лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к телу, которое отказывалось подчиняться. Если сосредоточиться, можно попробовать пошевелить пальцами. Рука, лежащая поверх клетчатого пледа, чуть дернулась. Арине показалось, что даже помимо ее воли. Хороший ли это признак, она не знала. Скорее нейтральный. Восемь месяцев в инвалидной коляске еще не означают того, что она парализована, просто мышцы ослабли и «лошадиная доза» делает свое черное дело.

Черное дело... У нее тоже есть что-то черное. Глаза? Жорик что-то говорил про глаза...

Кровь! Черная кровь – прощальный подарок Сказочника. И кровь, и сила! По крайней мере, силы этой хватает, чтобы сознание оставалось относительно ясным. Но ясный ум в недвижимом теле – слишком мучительно и неправильно. С этим нужно что-то делать. Для начала сосредоточиться, почувствовать то, что называется силой. Когда в зарешеченное окно заглянула луна, у нее получилось пошевелить сначала одной, потом и другой рукой.

Эксперименты пришлось прекратить и притвориться спя-

щей, когда щелкнул дверной замок. В палату вошла Лидия, постояла у Арининой кровати, поправила подушку и сползший плед, снова вышла, оставляя пациентку наедине с лунной. Лунный свет был яркий, едва ли не ярче света от ночника. Он расплескался по полу, дотянулся до неподвижных Арининых рук.

Пора!

На сей раз у нее получилось даже сесть, упершись ладонями в матрас. Голова закружилась, как и палата перед глазами. Захотелось снова лечь, зажмуриться, пережидая головокружение и нахлынувшую тошноту, но Арина себе не позволила. Слишком много времени потеряно безвозвратно, слишком неясные у нее перспективы. Она должна подготовиться.

К чему? Арина не знала, но чувствовала – перемены грядут.

Она посидела, кренясь то влево, то вправо, как горький пропойца, а потом как-то вдруг почувствовала, что головокружение ослабло, а сил стало чуть больше. Этих сил хватило на то, чтобы спустить ноги с кровати, почувствовать подошвами влажную прохладу пола. И палата больше не кружилась, застыла, позволяя себя разглядеть, показывая то, что не показала днем.

Окно с новым стеклом, свежевывмытым и оттого почти невидимым, – просто прямоугольный провал в стене, забраный решеткой. Ячейки решетки не мелкие, но и не до-

статочно крупные, чтобы в них пролез кто-то крупнее кошки. Этот факт особенно тревожит. Решетка, а еще запирающаяся на замок дверь. Не пациентка, но пленница, птичка в хромированной клетке.

Кресло-каталка с аккуратно сложенным пледом стояла в углу. На прикроватной тумбочке в тусклом свете ночника – закрытая книга сказок. Сказки, по мнению Хелены, способствуют адаптации пациента к реалиям настоящего, невыдуманного мира. Больше на тумбочке ничего нет, даже стакана с водой. А пить хочется, в горле – сушь. И где-то обязательно должна быть вода, нужно только поискать. Хотя бы взглядом. Арина поискала и нашла дверь, почти сливающуюся цветом с цветом стен. Пусть она и в клетке, но клетка эта для випперсон, и, значит, здесь обязательно должны быть удобства.

С кровати Арина не вставала, а сползала. И так же, почти ползком, обеими руками придерживаясь за стену, добиралась до заветной дверцы. За дверцей прятался санузел. Душевая кабинка, умывальник, унитаз – все белоснежное, начищенное до блеска, благоухающее освежителем воздуха. Махровое полотенце на вешалке и ситцевый халатик в цветочек, какой-то слишком уж легкомысленный для этого мрачного места. А вот зеркала нет. Наверное, отражения нервируют здешних обитателей.

Арина крутнула вентиль, кран чихнул и мелко завибрировал, а потом в раковину ударила тугая струя холодной воды. Она пила жадно, как заблудившийся в пустыне путник. Пи-

ла, плескала водой в лицо, терла руки лишенным запаха мылом. А потом ее вырвало, сначала водой, а следом желудочным соком, и сразу же стало легче, «лошадиная доза» Хелениных лекарств испугалась холодной воды. Это хорошо, когда противоядие так близко и такое доступное. Это просто замечательно!

Захотелось встать под душ, очиститься от макушки до пяток, но Арина решила не рисковать. Персоналу незачем знать ни о ее чудесном метаболизме, ни о найденном противоядии. Персонал должен считать ее слабой и беспомощной, одурманенной лекарствами. По крайней мере, до тех пор, пока она не разберется в том, что происходит. А это значит, самое время вернуться в постель.

Лидия заглянула спустя час, постояла в дверях, прислушиваясь, но входить в палату не стала. Да и зачем заходить, если лошадиная доза успокаивала пациентку до самого утра! Может, и самой вздремнуть удастся, ночь ведь длинная, а начальство далеко. Лидия зевнула, потянулась до хруста в суставах и закрыла дверь.

* * *

Арине не спалось. Мысли кружились хороводом, пытались вырваться за пределы палаты-одиночки, но у них ничего не получалось, память по-прежнему оставалась дырявым мешком, из которого все сыпались и сыпались воспоминания.

...Густой сиреневый дух больше не радует, а пугает. Сплетенные ветви куполом над головой. Нужно бежать, спасаться. Серый Волк идет по следу...

Тяжелая книга с пожелтевшими от времени страницами, но неизменно прекрасная. За такую книгу можно убить и умереть.

Хмурый старик в неудобном кресле. Черный пес на подстилке из грязных тряпок. Тихое рычание...

Рычание не было воспоминанием. Арина слышала его так же отчетливо, как песни цикад за окном.

Пес чернее ночи сидел посреди палаты и смотрел на Ари-ну по-человечески умными глазами. Огромный, матерый, похожий на волка, он не казался ей ни страшным, ни опасным. Пес был родным, потерянным и вновь обретенным.

– Блэк?

Имя сорвалось с губ само, безо всяких усилий с Ариной стороны, и пес чернее ночи тоже сорвался с места, гигантским прыжком преодолел разделявшее их расстояние, положил лобастую голову ей на колени, заглянул в глаза и улыбнулся. Да, этот чудесный пес умел улыбаться!

– Блэк, это ты? – Обхватить мощную шею обеими руками, зарыться лицом в густую шерсть, привычно почувствовать, как кожа отзывается на прикосновения покалыванием, совсем не больно, чуть-чуть щекотно.

Он лизнул ее в щеку, и щека стала мокрой от слез. Как давно она не плакала? Как давно ничего не чувствовала? И

где все это время был ее призрачный пес?

Воспоминания возвращались, вспыхивали в мозгу яркими картинками и причиняли боль. Почти каждое из них...

Старое веретено с отполированной тысячей прикосновений рукоятью. Кровавая дорожка на раскрытой ладони: алое смешивается с черным, меняет суть вещей, меняет ее саму. Теперь она ведьма, и с этим придется жить. Если удастся спастись от того, кто идет след в след.

Вросшая в землю избушка в самом сердце затянутого дымом болота. Две старушки смотрят одновременно строго и ласково – охраняют. Блэк у запертой на тяжелый засов двери тоже охраняет от тех, кого приводит ночь, кто заглядывает в мутное оконце и просится в гости.

Серый Волк, тот, кто шел след в след, но пришел не затем, чтобы убить, а чтобы спасти. Колючий ежик серых волос, серые глаза, сигарета, зажатая в загорелых пальцах, и слова... «Тебе здесь не место, ты должна пойти со мной...»

И она идет вслед за красным клубком к дереву, ветви которого держат небо, а кора исписана именами: много женских, мало мужских. Ее имя теперь тоже там, вырезано на черной коре на веки вечные, и можно уходить. А клубок ныряет в болотное озерцо, тянет за собой, убивает. Чтобы родиться ведьмой, нужно сначала умереть.

И она умирает.

Новый мир встречает болью и шипастым ошейником. Новый мир смотрит на нее сквозь насмешливый прищур вра-

га. Дементьев – враг, уставший рядиться другом. В его руке пульт. Щелк – и шипы на стальном ошейнике приходят в движение, прокалывают кожу, грозят задушить за неповиновение. Карманная ведьма. Цепная ведьма. Это так занимательно. Это так больно...

Гроза, дождь сплошной стеной. Дождь оплакивает ее бестолковую жизнь, которой вот-вот придет конец. Ей не страшно, она почти смирилась с неизбежным. Но Волков, ее Серый Волк, не желает сдаваться, требует от нее невозможного...

И невозможное расцветает на ладони огненным цветком, невозможно красивым и невозможно опасным. Если все сделать быстро, ошейник получится снять до того, как он превратится в гильотину для глупой новорожденной ведьмы.

– Сделай хоть что-нибудь! – Лицо Волкова искажено яростью, но на самом деле он боится. За нее.

И она делает! Ей удастся отсрочить неизбежное, подарить самой себе шанс. Щелк – и ошейник ощеривается шипами уже в руке Волкова, а не на ее шее. Вот такая маленькая победа волшебства над техническим прогрессом. Ей бы радоваться, но не получается. Теперь гроза бушует внутри нее, ярость оскорбленной ведьмы собирается в черные тучи, ищет выхода. Ярость знает, кто ее цель, и наносит удар, не целясь, не рассчитывая силы, но точно зная, что Дементьеву, человеку, посмевавшему посадить ее на цепь, не уйти. Ярость точнее пули. И беспощаднее.

Обугленная рука врага в дорожной пыли не вызывает да-

же тени удовлетворения. Она сделала то, что требовала ее ведьмовская суть, – отомстила. Не убила, но покалечила, ответила ударом на удар.

Кап-кап... Слезы катятся по щекам, падают на призрачную шерсть ее призрачного пса, вспыхивают серебряными звездочками. Слезы отмывают воспоминания от пыли забвения и возвращают на полки памяти. Их еще много, полок, которые нужно заполнить этой ночью.

Пряничный домик посреди одичавшего вишневого сада. Сладко пахнет дымом, кофе и сигаретами. Подружка Ирка смеется и трется щекой о глянцевоый бок книги. На обложке ее, Ариино, имя. И книга тоже ее, написана ручкой с золотым пером, прощальным подарком Волкова. Когда самое страшное осталось позади, когда в новой жизни есть пряничный домик и вишневый сад, а утро начинается не с просчитывания путей отступления, а с чашки ароматного кофе, нужно радоваться любым подаркам, даже прощальным. И она заставляет себя радоваться, старается позабыть прошлое, но все равно каждую ночь втягивает в свои сны Волкова. Сны – это мелочь, с которой невозможно расстаться. Сны – это тонкая ниточка между ней и Волковым, ниточка, которая в реальной жизни давно оборвалась.

Ручка с золотым пером занимает почетное место на полке памяти, рядом со стопкой пахнущих типографской краской книг. Блэк ласково тычется лбом в колени, смотрит внимательно.

...Этот призрак особенный. Бывают, оказывается, и особенные призраки. Марго, мертвая ведьма с расписанным под гжель кошачьим черепом – экзотика даже для мира мертвых.

– Нас убивают... Кто-то убивает нас одну за другой! – Марго смотрит из-под рыжей челки и гладит расписную черепушку. – Ты должна мне помочь.

Она не должна, но помогает, идет за неуловимым убийцей, натываясь на трупы... Ведьмы умирают в муках, и в их мертвых глазах ей чудится укор – не успела, не спасла от чудовища. Ведь только чудовище может напасть на ведьму, только ему это под силу.

У чудовища пшеничные кудри и чуткие пальцы музыканта, оно выстилает свой путь мертвыми ведьмами и мертвыми безвременниками. Оно ходит кругами, иногда заглядывает в гости, оно просит – пока только просит – не вмешиваться. У чудовища свои взгляды на мироустройство и справедливость, ему нельзя мешать. А ей нужна помощь. Без помощи ей никак.

Волков далеко и помогает на расстоянии: советами, связями, криком.

– Не лезь в это дело, Арина!

«Ах, Андрюша, ну сколько можно!..» – Мурлыкающий голос в телефонной трубке заглушает голос разума. У этой кошечки на Волкова в тысячу раз больше прав, чем у нее. А рысь волку не подружка. Не нужно мешать, пусть живет как хочет. А она как-нибудь сама...

И она не мешает. Из последних сил старается не мешать, не впутывать. И идет все дальше и дальше по дорожке из мертвых безвременников, рука об руку с Марго, призраком убитой ведьмы. И находит...

Иногда зло неочевидно. Иногда зло рядится в одежды если не дружбы, то равнодушия. Убийство себе подобных – страшный грех, но Саломее, ведьме, чья жизнь уже на излете, плевать. Выжить хочется любой ценой, и она выживает как умеет, убивает своих же сестер, забирая их жизни и их силу.

Рыбачья избушка тонет в наползающем от реки тумане. Ее деревянный пол, как серебром усыпанный чешуей, становится подмостками для финальной сцены. Один режиссер – три актрисы. В конце останется только режиссер, Саломея.

Анук, ведьма старая и мудрая, смотрит с тоской – не убедилась Арину, не сумела спасти глупую девчонку от беды.

Марго, ведьма мертвая и неупокоенная, шепчет – прости, втянула в историю, накликала беду.

А Саломея говорит-говорит, пытаюсь оправдать то, чему не может быть оправдания, а потом замолкает. Рука с кинжалом не дрожит. Чтобы завершить начатое, нужно всего лишь убить. А потом наступит счастье и совесть заткнется, с совестью всегда можно договориться. Все это в глазах Саломеи прячется за вуалью безумия. И только Арина знает – счастья не будет. Счастье, замешенное на крови, – это уже не счастье.

Умирать страшно, но она готова. Когда все шансы исполь-

зованы, остается одно – смирение. И черный клинок в руках безумной Саломеи больше не пугает.

Шансы бывают разные. Оказывается, она слишком мало знает о том, какие козыри прячет судьба в рукаве. Волков, новый герой в уже почти сыгранной пьесе. Нашел, прилетел с обратной стороны земли, не бросил. Вороненая сталь пистолета против булатной стали древнего клинка. Опыт земного мужчины против опыта ведьмы.

В глазах Анук – отчаяние. Мудрая Анук уже знает исход этой битвы.

В глазах Марго – надежда. Наивная Марго еще верит в чудеса.

В глазах Волкова – колдовской туман морока, а в руке – тот самый кинжал. Кинжал тянется к Ариной шее. Морок победил, захватил в свои сети еще одну жертву.

– Убей ее!

Этому приказу нельзя не подчиниться, но Волков медлит, пытается бороться с тем, что невозможно победить.

– Убей! Или ты, или она – выбирай!

Волков делает выбор... Рукоять черного кинжала застряла между ребер, подрагивает в такт биению сердца, отмеряет мгновения оставшейся Волкову жизни. Тик-так...

Волков сделал свой выбор, и когда он умрет, Арина тоже умрет, потому что жизнь без него не имеет смысла. Не нужна ей такая жертва. Только не такая!

Черная кровь просыпается от ее крика. Черная кровь зна-

ет, как поступить. Нужно замкнуть круг и попросить...

Живая ведьма, мертвая ведьма, их тени... В хороводе судьбы этих четверых достаточно. В теневом круге мертвое становится чуть менее мертвым, а живое – чуть менее живым. Теневой круг – это сила, которой нельзя противиться, которая может все.

– Чего ты хочешь? – Тень смотрит ласково, и искорка в том месте, где у тени должно быть сердце, ярко вспыхивает.

– Хочу, чтобы Волков жил!

Она уже знает, тень выполнит просьбу. И условие ее тоже знает. Пусть так, она готова. Ей нужно лишь попрощаться. Но проститься с Волковым тень не дает. Не из злобы, а потому что так надо. Для Волкова. И она соглашается. Волков будет жить. Иногда чудеса случаются, а какая цена уплачена за чудо, неинтересно даже ей самой.

И Анук будет жить. Старая, мудрая Анук чует путь, по которому тень уводит Арину, кричит:

– Возвращайся! Ты сможешь...

Она не может. Да и не хочет уже – договор с тенью вступил в силу.

А Саломеи больше нет. Неувядающая красавица встретила свое чудовище, то самое, что усыпает путь мертвыми безвременниками. У чудовища грустные глаза и печальная улыбка, а чуткие музыкальные пальцы красные от крови. Чудовище перебирает мокрые от утренней росы плети рогоза, словно струны. Оно спокойно. Наконец-то исчез зуд, и вер-

нулась способность чувствовать мир как раньше. В этом мире слишком много красного, но чудовище привыкнет. Главное дело сделано, долги розданы, можно наконец отдохнуть. Чудовище оборачивается и прощально машет Арине рукой. Оно тоже чувствует грядущие перемены.

А теневой мир ждет. Раздвигает полог из темноты, готовит сказки. В мире теней очень много сказок, нужно только попросить, и они станут твоими.

Воспоминания ранят. Воспоминания убивают в который уже раз. Арина больше не плачет – воет в голос. И верный Блэк подпевает. Их песня заставляет луну заглянуть в зарешеченное окошко, а Лидию в палату.

– Это что у нас тут такое?

Руки Лидии мягко, но настойчиво разжимают объятия, распутывают сплетенные на загривке Блэка пальцы. Пес рычит, отступает к стене. Лидия испуганно оглядывается, но тут же сосредотачивается на Арине.

– Тише, не надо шуметь.

В вену втыкается игла, поршень загоняет в кровь успокоительное, и Арина благодарна за этот дар, она смотрит в равнодушные глаза Лидии и улыбается.

– Спи! – Лидия толкает ее на подушку чуть сильнее, чем того требуют правила, раздраженно. Лидию можно понять: ночью хочется спать даже профессиональным медсестрам, и слишком беспокойные пациенты не вызывают ничего, кроме глухого раздражения.

– Спасибо. – Первое сказанное слово кажется волшебным «сезам». Она не научилась разговаривать с людьми. Теневой мир вернул ей не только воспоминания, но и голос.

– На здоровье. – Белесые брови Лидии удивленно ползут вверх, ныряют под накрахмаленную до хруста шапочку, а густо подведенные тенями глаза округляются. Это ведь довольно неожиданно, когда с тобой заговаривает нафаршированный успокоительными овощ. – Что ты... вы? – Профессионализм берет верх над удивлением, и брови возвращаются на место, а глаза и вовсе превращаются в узкие щелочки. – Что вы сказали?

– Пить. – Арине и в самом деле хочется пить. А еще избавиться от настороженного взгляда Лидии. – Можно?

Лидия молча выходит, чтобы через мгновение вернуться, неся граненый стакан с водой. Арина пьет жадно, теплые струйки стекают по подбородку, Лидия ловко стирает их салфеткой.

– А теперь баюшки, – говорит ласково, но во взгляде нет ничего, кроме холодного любопытства. – Я уколола вам снотворное, оно сейчас подействует.

Снотворное уже действует, веки тяжелеют, а язык становится большим и неповоротливым. Арина кивает в знак благодарности. Лидия тоже кивает в ответ, обходит растянувшегося на полу Блэка, пятится к двери. Лицо ее превращается в размытое пятно. Захлопывается дверь, щелкает замок. Прежде чем провалиться в забытие, Арина успевает заме-

тить тени.

Дама с высокой прической в платье с рукавами-фонариками гладит узкомордую борзую. Арине хочется увидеть хозяйку этой удивительной тени, но сон побеждает...

* * *

Арину разбудили пение птиц и бьющий в окно солнечный свет. Пахло сырой землей, подвявшей скошенной травой и персиковым джемом. Запахи были чудесными и звуки тоже, и она улыбнулась, не открывая глаз.

– Вы проснулись. – Этот голос был как холодный душ, он убил очарование новорожденного дня, толкнул в объятия реальности.

Хелена сидела на стуле, скрестив руки на груди, забросив ногу на ногу. Поза одновременно расслабленная и закрытая. Нужно быть психиатром, чтобы заставить пациента терзаться такими вот противоречиями. Вопрос – хороша ли Хелена в роли психиатра? И как далеко она готова зайти ради спасения заблудшей души?

– Лидия сказала, вы разговаривали с ней этой ночью. – Хелена качнула ногой, изящная винного цвета туфелька соскользнула с пятки, повисла на носке. – Это очень хорошо.

Хорошо ли? Хелена – опасный собеседник. И не нужно иметь хваленую ведьмовскую интуицию, чтобы это почувствовать.

– Арина, вы меня слышите?

– Слышу.

– И говорите. – Хелена удовлетворенно кивнула. – Это несомненно прорыв. Как вы себя чувствуете?

Сказать правду? Пожалуй, не стоит.

– Слабость.

– Слабость – это нормально. Вашему организму потребуется время.

Время на что?

– Вы знаете, какое сегодня число?

– Не уверена.

Она знает, что почти год жизни. Этого достаточно.

– Двадцатое мая. Представляете?

Вместо ответа Арина кивнула, говорить все еще было тяжело.

– Вы голодны? – Хелена меняла темы разговора с той же легкостью, с которой карточный шулер тасует колоду. – Вы должны быть голодны. Зондовое кормление – далеко не самая лучшая альтернатива хорошему завтраку.

Зондовое кормление... Теперь понятно, почему так саднит горло. Что еще делали с несчастным телом во время ее отсутствия?

– Зондовое кормление, капельницы, катетеры. – Хелена словно перечисляла СПА-процедуры. – Должна признать, вы очень хлопотная пациентка. Но при этом и очень любопытная. С медицинской точки зрения.

Только ли с медицинской?

– Вам нужно поесть. Давайте-ка я вам помогу.

Ей нужно в туалет и умыться, но у Хелены другие планы. С Хеленой лучше не спорить. Пока.

Тихо скрипнула дверь, в палату с подносом в руках вошла медсестра. Не Лидия – другая, старше, грузнее, улыбчивее.

– Завтрак. – Медсестра поставила поднос на тумбочку, помогла Арине сесть в кровати.

– Сначала инъекция. – Шприц, уже наполненный чем-то мутно-бурым, Хелена достала из кармана халата. И укол Арине сделала сама. Ловко, не хуже, чем до этого Лидия. – Ничего особенного, – она поймала вопросительный взгляд Арины, – укрепляющие витамины. В сон от них вас клонить не будет. Зоя Петровна, продолжайте!

И Зоя Петровна продолжила, повязала на шею Арине салфетку. Как малому ребенку. Или как немощному инвалиду.

– Спасибо, вы свободны. – Хелена махнула рукой, потянулась к подносу.

Медсестра Зоя Петровна без лишних слов попятилась к двери.

– Что у нас тут? – Хелена изучила содержимое подноса. – Оладьи с персиковым джемом.

Арина наблюдала за руками Хелены, за тем, как вилка наколола кусок оладьи, обмакнула его в джем. Что она хочет? Прикормить, как дикое животное, заставить есть с руки?

– Я сама.

Она не животное и не инвалид.

– Вам нужно набираться сил. – Хелена словно ее и не слышала. – Силы вам еще понадобятся.

Вилка зависла перед Ариным лицом.

– Я сама.

– Не нужно со мной спорить. – Рука с вилкой дернулась, капля джема упала на одеяло. Хелена поморщилась. – Проявите благоразумие, откройте рот.

Ярость подкатила душной волной, сдавила горло, выбелила кожу на сжатых в кулак костяшках пальцев. Зарычал Блэк. Не на Арину – на Хелену. И Хелена нервно повела плечом, словно услышала этот беззвучный рык. Она смотрела на Арину, не отрываясь, словно чего-то ждала, какого-то действия.

И действие последовало. Волна ярости превратилась в волну тошноты. Арину вырвало, а Хелена вдруг улыбнулась, словно одержала победу в одном лишь ей ведомом бою.

– Вижу, вы не голодны. – Она отложила вилку, вытерла пальцы салфеткой. – И посторонняя помощь вам не нужна.

Нужна. Ей так дурно, что, кажется, тяжело даже дышать.

– Это очень плохо. – Хелена вторила ее мыслям. – Это шаг назад. Без доверительных отношений между врачом и пациентом не может быть исцеления и нормального лечения.

– Мне не нужно лечение. – Слова царапали измученное горло, а в голове шумело так, что Арина не слышала собственный голос.

А вот есть хочется. Даже теперь, после того как желудок вывернуло наизнанку. Непривычное чувство. Впрочем, теперь ей все чувства непривычны.

– Вы так считаете? – Хелена откинулась на спинку стула, качнула ногой.

– Мне нужно позвонить.

Она еще не решила кому. Может, Ирке? Ирка врач, она сумеет разобраться с этой... выдрой.

– Вам не нужно никому звонить. – Хелена улыбнулась, демонстрируя идеально ровные, идеально белые зубы. – Когда придет время, я сообщу вашему опекуну.

– Опекуну?

Ирке! Конечно, Ирке. Кому же еще? Ирка ее никогда бы не бросила, она ее лучшая подруга. Вот только знает ли Ирка про решетки на окнах, ремни и зондовое кормление?..

– Зоя Петровна! – Хелена чуть повысила голос, и в палату тут же вошла давешняя медсестра. – Приберитесь-ка тут. – Хелена кивнула на испачканное одеяло и как ни в чем не бывало продолжила: – Что вас удивляет, Арина? У вас такой диагноз, при котором вам просто необходим опекун.

– Какой у меня диагноз? – Пульс стучал в висках, а к горлу снова подкатил колючий ком.

– Если не углубляться в терминологию...

– Давайте углубимся.

– А смысл? У вас ведь нет медицинского образования, чтобы понять. – Хелена улыбалась, разговор доставлял ей

удовольствие. – Ну, пусть будет шизофрения.

Пусть не будет! Нет у нее никакой шизофрении!

– Знаете, каталепсия, то странное состояние, в котором вы пребывали долгое время, – это один из симптомов....

Каталепсия – это один из симптомов теневого мира. Но кто поверит в теневой мир? Хелена, может, и поверит, у Хелены явно нетрадиционный подход, но вот как она интерпретирует услышанное?

– Так что сами понимаете, ситуация у нас складывается очень серьезная. Тяжело лечить, когда пациент противится лечению. Вы согласны, Арина?

Она не согласна! Ни с одним сказанным словом. Но ведь можно попробовать договориться.

– В таком случае я хочу поговорить со своим опекуном. Кто она?

– Она?! – Неужели ей удалось удивить Хелену? – Почему вы решили, что ваш опекун – женщина?

Потому что никого ближе Ирки у нее нет. Потому что Ирка врач и знает, как работает система. Но Хелена удивлена, и удивление ее искреннее.

– А кто тогда?

– Один очень достойный джентльмен. – Архаичное «джентльмен» из уст Хелены прозвучало гармонично.

В Арином окружении был только один человек, которого можно назвать джентльменом. Волков... Смог бы он упечь ее в сумасшедший дом?..

– У нас очень респектабельное и очень хорошее лечебное заведение, а ваше пребывание здесь оплачивается более чем щедро.

Каталепсичка... Кукла пластилиновая. Зондовое кормление, капельницы, катетеры... Выдержит такое хоть один джентльмен? У Волкова работа. Волков сегодня здесь, а завтра уже на другой стороне Земли. Он профессионал, но не в медицине, и поэтому сделал то, что представлялось ему единственно разумным – устроил Арину в очень респектабельное и очень дорогое лечебное заведение, обеспечил уход и нормальное существование, оплатил расходы, откупился...

Нет, Волков не такой! Он едва не умер вместо нее. За нее! Он не стал бы откупаться. У него просто не было другого выхода. А Хелена... кто знает, какая она с богатыми клиентами, как хорошо умеет прятать свою змеиную суть?

– Все равно я хочу с ним поговорить.

– Боюсь, на данном этапе это невозможно. – Хелена покачала головой.

– Почему?

– Вам нельзя волноваться. Ваше нынешнее состояние нестабильно. Разговор с кем-то из вашего прошлого может спровоцировать рецидив.

Хелена оттолкнула медсестру, подалась вперед, и в ее змеиных глазах Арина увидела правду. Ей не позволят позвонить, как не позволят выйти из стен их чудесного заведения.

Это ведь так привлекательно – пациент с абонементом, очень дорогим абонементом. Привлекательно, не хлопотно и выгодно. А опекуну можно рассказывать сказки о том, что состояние его подопечной стабильно тяжелое, что проводимое лечение не дает эффекта, но уход – уход! – за ней великолепный, такого не найти больше нигде. А если опекуну захочется свидания с подопечной, в ход пойдут чудесные лекарства, способные превратить здорового человека в овощ. Состояние стабильно тяжелое, но уход идеальный, можете сами в этом убедиться!

– Он не знает, что я пришла в себя.

– Уверяю вас, он узнает! А пока вы должны мне довериться. Я ваш лечащий врач, я знаю, что для вас лучше.

– И что для меня лучше?

Блэк подкрался к Хелене сзади, примерялся к шее, ждал команды. Блэк не любил, когда обижали его хозяйку. Но еще не время для активных действий. Им нужно осмотреться.

– Вы должны научиться видеть во мне друга, доверять мне безоговорочно, принимать мою помощь с благодарностью.

– А если он перестанет платить?

Это очень важный вопрос, пусть и провокационный.

– Он не перестанет, уверяю вас.

– Деньги могут закончиться. Иногда такое случается. Тогда вы отпустите меня?

– Нет. – Хелена улыбнулась светло и радостно, сжала Ари-нин подбородок пальцами с такой силой, что ногти ее больно

впились в кожу.

Блэк зарычал, а медсестра поспешила скрыться за дверью.

– Все хорошо. Все нормально, – сказала Арина Блэку.

– Вы так думаете? Я рада это слышать и готова считать это шагом вперед. – Хватка Хелены чуть ослабла.

– Зачем я вам? – Арина хотела ударить, врезать со всей силы, испортить идеальную линию римского профиля, но накатил очередная волна тошноты, и она сдержалась. Блэк тоже сдержался, послушался.

– Вы уникальны. Настоящий бриллиант в моей коллекции уродов. Мне интересно с вами, а когда мне интересно, я никому не позволяю себе мешать. Никому! И знаете, Арина, есть много способов добиться желаемого, но в ваших же интересах быть хорошим пациентом.

Хелена разжала пальцы, встала, расправила складки на халате. В эту же секунду в палату снова заглянула медсестра.

– Вам еще что-нибудь нужно, Хелена Генриховна? – спросила тихо, почти шепотом.

– Унесите это! – Хелена кивнула на поднос. – Пациентка отказывается от еды.

– Зонд?..

– Это, пожалуй, лишнее. Ей просто нужно нагулять аппетит.

В дверях Хелена обернулась:

– Подумайте над моими словами, Арина. Очень хорошо подумайте.

Хелена ушла, медсестра осталась, обвела палату внимательным и чуть растерянным взглядом, шагнула к тумбочке со стоящим на ней подносом.

– Точно не хочешь? – спросила, понизив голос до шепота. Арина хотела. Чтобы бороться, нужны силы.

– Зоя Петровна, заберите еду! – Хелена ушла, но вернулась, заглянула в палату. Колючий взгляд задержался на Арине, но тут же уполз в сторону. – И обеда не нужно. А воды дайте. Без воды никак нельзя. – Сказала и ушла, теперь уже окончательно.

Медсестра Зоя Петровна вздохнула, сказала все тем же шепотом:

– Не надо с ней спорить, она этого не любит.

Арина это уже заметила. А есть хочется, аж до дрожи в руках...

Желудок заурчал громко и требовательно. Зоя Петровна покачала головой и забрала с тумбочки поднос.

– Она проверит, – сказала, пряча глаза. – Она все проверяет. И если что, сразу бьет рублем. Понимаешь?

Арина понимала, но от этого желание поесть не пропадало.

– Я скоро приду. – Зоя Петровна отступала спиной к двери, держа поднос с завтраком на вытянутых руках.

– Все хорошо, – сказала Арина и прижала ладони к животу. – Все нормально.

Хлопнула дверь палаты, щелкнул замок. Если ничего не предпринимать, очень скоро эти тюремные звуки станут привычными. Нужно подумать.

На голодный желудок думалось плохо, но голова оставалась ясной. Введенные Хеленой витамины если и действовали, то не на мозги. Это радовало. Подошел Блэк, положил голову на край кровати, зажмурился, когда Арина пробежалась пальцами по жесткой шерсти.

– Мы что-нибудь придумаем.

Блэк кивнул, соглашаясь, а Арина спустила с кровати босые ноги, огляделась. На спинке кресла-каталки висела одежда: синяя юбка, белая блузка, шерстяная кофта грязно-серого цвета и серые же туфли без каблучков. Униформа для здешних постояльцев. Или только для нее? Там же, на кресле, лежал пакет с бельем, хлопковым, унылым, но новым, с этикетками.

Арина сгребла одежду, прихватила пакет и, пошатываясь, придерживаясь одной рукой за стену, побрела в ванную. На двери не было защелки. Еще одна мера безопасности, защита пациентов от самих себя. Плевать!

Арина стащила ситцевую ночную сорочку, измятую, пропитанную потом, запахом лекарств и рвоты, швырнула в угол, шагнула в душевую кабинку и до упора вывернула вентиль. Напор воды был слабый, невесомые капли вуалью осе-

дали на волосах, медленно стекали по лицу. Волосы словно чужие, жесткие и короткие, обрезанные Лидией не слишком старательно и от этого не слишком ровно. Шампунь из одно-разового пакетика ничем не пахнет и почти не пенится, хорошо, если моет. А мыло и вовсе норовит выскользнуть из рук. Ну и пусть! Главное, есть вода, и будет чистота, пусть по-казенному стерильная, без запаха и блеска, но уж какая есть.

Выходить из душа не хотелось, но Арина себя заставила, напоследок включив холодную воду на максимум. Холод сначала вышиб из разомлевшего тела дух, заставил шипеть сквозь стиснутые зубы, а потом стало так легко, что захотелось плакать. Но плакать она не стала, вместо этого выключила душ и почистила зубы. Щетка в пластиковом стаканчике, паста пахнет мятой, но пенится так же плохо, как мыло и шампунь. Хочется посмотреть на свое отражение, но зеркала нет, и ее словно бы тоже нет. Стерли из нормальной жизни...

В дверь постучали, но тут же, не дожидаясь ответа, открыли.

– Уже и помылась? – Зоя Петровна смотрела на нее с одобрением. – Это хорошо, когда к чистоте тянет.

Арина молчала, отжимала полотенцем мокрые волосы, выжидала. Зоя Петровна вздохнула, сунула руку в карман халата, извлекла завернутый в фольгу сверток и сказала:

– Пойдем, поешь, пока Хелена на обходе.

В свертке был бутерброд: кусок неестественно розовой ва-

реной колбасы и прозрачный ломтик сыра между двумя кусками батона. Обед Зои Петровны, Арина сразу это поняла и протестующе помотала головой.

– Ешь! – Медсестра нахмурилась. – Что ж тебе до ночи голодной ходить?

– А вы? – Рука уже сама тянулась к бутерброду.

– Не волнуйся, не последним куском с тобой делюсь. Только не говори никому, особенно Лидке. Лидка – Хеленина наушница. В старшие медсестры рвется, вот и выслуживается. Да ты жуй быстрее, пока не увидел кто.

В ее жизни не было бутерброда вкуснее! Арина съела все до последней крошки, облизала пальцы.

– Голодная. – Зоя Петровна внимательно наблюдала за тем, как она ест. – Это хорошо, значит, оживаешь. Раньше-то тебя приходилось силой кормить. А много ли сделаешь силой-то? Худющая стала, что таранка, даром что Хелена тебя своими витаминами пичкала. – Зоя Петровна неодобрительно покачала головой и тут же улыбнулась: – Ну ничего, теперь-то дело уж точно на лад пойдет. Чудо, считай, уже случилось. Никто не верил, что ты выкарабкаешься. Виданное ли дело, столько месяцев ни живая ни мертвая, иссохла вся, волосы клочьями лезли. Лидка с Жоркой уже прикидывать начали, когда представишься. Да и я сама грешным делом...

– А Хелена?

– А Хелена в тебя верила. Она ведь и в самом деле очень хороший врач. У нее дипломов столько, что ими можно всю

твою палату оклеить.

Ошибается Зоя Петровна, Хелена верила не в нее, а в деньги. Ну и любопытство, конечно, делало свое дело. Медицинский феномен, лучший экспонат в коллекции уродов.

– Это Хелена велела тебе книжки на ночь читать, чтобы развлекать, значит. У Лидки хорошо получалось, а у меня дикция, видите ли, не та. – Зоя Петровна поморщилась. – Вот Лидка и читала каждое свое дежурство, выслуживалась. – Женщина поднялась со стула, тяжело опираясь обеими руками на Аринину кровать, сказала сердито: – Колени болят, спасу нет. Но ты никому не говори, больных Хелена не любит. Душно-то как! Вечно Лидка окна задраивает.

Зоя Петровна распахнула настежь окно, впуская в палату громкое чириканье воробьев и солнечный свет. Арина тоже подошла к окну, выглянула наружу настолько, насколько позволила решетка, вдохнула полной грудью свежий утренний воздух. Из окна было видно немного: куст шиповника, старый клен, почти высохшая лужа и дорожка, мощенная красной плиткой.

– А что там дальше? – спросила она, пытаясь увидеть хоть что-нибудь за стеной кустарника.

– Главный корпус. Лечебница здесь недавно, всего пару лет, а раньше, еще до революции, была графская усадьба. В здании, в котором сейчас главный корпус, жили господа, а тут, – Зоя Петровна постучала пальцем по подоконнику, – был гостевой флигель. После революции усадьба в основном

пустовала.

– Почему? – Арина коснулась решетки, осторожно пробуя ее на прочность.

– Крепко все, на совесть. Даже не сомневайся, – сказала Зоя Петровна тем же тоном, которым рассказывала про усадьбу. – А пустым дом стоял, потому что далеко от города.

– Какого города?

– Пробовали открыть тут пионерский лагерь, – медсестра словно и не услышала вопроса, – но не вышло из этой затеи ничего, закрыли через пару лет.

– Отчего закрыли?

– От греха подальше. Не велено нам пациентам всякие байки рассказывать. Хелена за этим делом строго следит, еще строже, чем за дисциплиной.

– Какие байки?

– Я же сказала, не велено. – Зоя Петровна закрыла окно, точно не сама пару минут назад сетовала на духоту. Может быть, чтобы их разговор никто не услышал? – В постель ложись, отдохни пока, – сказала строго.

– А потом? Что будет потом?

– А потом – суп с котом! – Зоя Петровна, не говоря больше ни слова, вышла, сердито хлопнула дверью, но замок запереть не забыла. Блэк проводил ее тоскливым взглядом, ткнулся лбом в Ариныны колени.

– Попались мы с тобой. – Она потрепала пса за ухом, прислушиваясь к тому, как затухают покалывания в кончиках

пальцев, улеглась на кровать поверх покрывала. – Давай думать, как выбираться.

Пока получалось, что никак. Слишком мало информации, а та, что есть, обрывочная. Надо затаиться, понаблюдать, если понадобится, изобразить покорность судьбе и Хелене. Вот только поверит ли ей Хелена? Что-то подсказывало, что не поверит...

Дверь открылась, когда Арина обдумывала рассказ о графской усадьбе.

– Вставай! – с порога велел Жорик и оперся широким плечом о дверной косяк.

Он разглядывал Арину с любопытством и с хорошо скрываемой, но все равно ощутимой опаской. На память тут же пришел его разговор с завхозом про тень, которая сама по себе. Арина тоже видела тень. Или ей просто показалось?

– Ну, кому говорят? – Пятерней правой руки Жорик поскреб бицепс левой, на коже остались красные следы от ногтей. – Вставай и переползай в кресло.

– Зачем? – Арина села, бросила предупреждающий взгляд на готового к прыжку Блэка.

– Прокатимся с ветерком.

Все-таки Жорик переступил порог, в два шага оказался возле Арины, посмотрел сверху вниз. Теперь в его мутном взгляде читались досада и удивление, с чего это он, такой большой и грозный, испугался какой-то малахольной девчонки? Толстый палец с обведенным траурной каймой ног-

тем осторожно коснулся Арининой щеки, он словно проверял, живая ли она на самом деле. Арина отшатнулась, Блэк припал к земле, готовый по первой же команде броситься на врага, а Жорик ухмыльнулся. Было в его улыбке что-то недоброе, заставляющее челюсти напряженно сжиматься, а зубы поскрипывать.

– Садись! – Легонько, тем самым пальцем, он ткнул ее в грудь, и Арина едва не упала.

– Я могу сама.

– Не можешь. – Жорик подхватил ее за подмышки, пересадил в кресло. – Без моего разрешения ты можешь только молчать и пускать пузыри. – Он уперся лапищами в подлокотники кресла, навис над Ариной, обдав запахом лука и мятной жевательной резинки. – И попробуй только кому-нибудь пожаловаться. – Лапища стиснула горло, легонько, но дышать сразу стало нечем.

Арина забилась, пытаясь высвободиться. Рык Блэка перешел в грозный рев.

– Сидеть, – прохрипела Арина, обеими руками обхватывая поросшее шерстью Жориково запястье.

– Это ты мне?! – Хватка ослабла. Наверное, от удивления. Это она Блэку, но с Жориком тоже придется что-то делать.

– Как псу шелудивому команды раздаешь? – Морда Жорика налилась нездоровой синюшностью, того и гляди хватит удар. Пусть бы и хватил. Ей и самой хотелось ударить, взрезать кулаком в кадык. Вот только сил нет, ни человече-

ских, ни... ведьмовских.

Она так поразилась этому открытию, что перестала бояться. Совсем. И Жорик почувствовал, отступил, зашел за спину и прошипел:

– Ты, коза, допрыгаешься! – И толкнул кресло с такой силой, что Арина едва из него не вылетела.

Удержалась, вцепилась руками в подлокотники, уперлась пятками в подставку для ног. Поехали. Выехали из палаты в небольшую комнатушку, оборудованную под сестринский пост. Место за столом было пусто, видимо, Зоя Петровна отошла куда-то по делам. В комнатушку вели еще три двери, все три оказались закрыты. Наверное, одна медсестра присматривала за четырьмя пациентами. Входная дверь тоже была заперта. Жорик брякнул связкой ключей, пару секунд выбирая нужный, открыл дверь, толкнул кресло с Ариной в яркий прямоугольник дверного проема, слегка придержал за ручки на пологом спуске, покатил по дорожке из красной плитки мимо кустов шиповника и гортензии. Арина смотрела во все глаза, запоминала.

Флигель, место ее заточения, был выкрашен в оптимистичный ярко-желтый цвет, черепичную крышу его украшал флюгер в виде золотого петушка. От ветра петушок вертелся и тихо поскрипывал. Над шиповником мирно гудели пчелы. Пастораль. Если бы не решетки на окнах...

Дорожка из красной плитки послушно нырнула под колеса, кресло подпрыгивало, заставляя все тело мелко вибри-

ровать. От этой тряски челюсти приходилось держать крепко стиснутыми, чтобы ненароком не прикусить себе язык. Жорик бы обрадовался. Жорик нарочно толкал кресло рывками и слишком резко притормаживал на поворотах. А поворотов было много, дорожка петляла между аккуратно подстриженными кустарниками, как уходящий от преследования заяц. Арина тянула шею, смотрела, запоминала изгибы и повороты, выискивала прорехи в зеленой изгороди. Придет время – а оно обязательно придет! – и эти знания пригодятся. Слева хозяйственные постройки, пищеблок, склад, гаражи – все серое, безликое. Скучный новодел, стыдливо прячущий свое несовершенство за частоколом из туй. За хозпостройками – забор, тоже серый, тоже скучный, трехметровый. И никаких деревьев поблизости. Наверное, чтобы у здешних обитателей не возникало соблазнов выяснить, что же там, за забором. Не хватает только колючей проволоки и вышек с автоматчиками. А может, они и есть? Сколько она видела того забора!

Дорожка снова вильнула, обогнула куст можжевельника и влилась в аллею с аккуратными скамейками на гнутых чугунных ножках и невысокими чугунными же фонарями. С обеих сторон к аллее подступали могучие дубы, в тени которых тоже виднелись скамейки, на которых отдыхали – или просто сидели? – пациенты, мужчины и женщины в такой же, как у Арины, одежде. Две дамы преклонного возраста степенно прогуливались и о чем-то тихо беседовали. Выглядели

они если не счастливыми, то уж точно довольными жизнью. На скамейке, на самом ее краешке, сидел старичок благолепного вида, на коленях он держал раскрытую книгу. Старичок был похож на профессора, вот только книжку держал вверх тормашками. Рядом на той же скамейке, но на другом конце в вальяжной позе, нога за ногу, развалился парнишка. Глаза его были закрыты, а голова ритмично дергалась, словно в такт игравшей в наушниках музыке. Вот только не было никаких наушников, призрачная музыка звучала у парнишки в голове.

– Салют! – Приглядывающий за дамами, старичком и парнишкой санитар приветственно взмахнул рукой.

Скрипнули колеса от излишне резкой остановки, Арина вцепилась в подлокотники.

– Салют! – Жорик за ее спиной тоже приветственно вскинул руку, обдав смрадом потного, немывтого тела. – Гуляем?

– Утренний променад. – Санитар благодушно улыбался и обмахивался журналом с кроссвордами. – Жарища-то какая, а! Будто и не было дождя. Май месяц на дворе, а солнце смалит, как в августе. Дамы, эй, дамы! А куда это вы, голубушки, направляетесь?

Дамы-голубушки сошли с аллеи и неспешным, но энергичным шагом двигались в глубь дубовой рощи.

– Белочек кормить. – Старичок профессорского вида вытащил из кармана брюк горсть желудей. – Белочки хотят кушать! – Он печально вздохнул.

– Ох ты ж боже мой! Яков Давыдович, голубчик вы мой! – Санитар свернул журнал в кулек, ссыпал в него желуди и закричал: – Голубушки, разворачиваемся на сто восемьдесят градусов! – И, подмигнув Жорику, добавил: – Дурдом!

– Так дурдом и есть, – согласился Жорик, и Арина шкуркой почувствовала, как его обветренные губы растянулись в усмешке.

А дамы-голубушки тем временем обогнули дуб и все тем же прогулочным шагом направились обратно к аллее.

– Свою-то куда катишь? – поинтересовался санитар, подбрасывая на ладони желудь.

– На анализы. Она же того, – на шею сзади слегка надавили шершавые пальцы, – вышла из ступора.

– Да ты что! – Санитар длинно присвистнул, присел перед Ариной на корточки и спросил: – Ну и как ты, голубушка?

Во взгляде его не было зла – лишь незамутненное любопытство. Чувствовалось, что работа ему нравится, а пациенты совершенно не раздражают.

– Голубушка с норовом, – ответил за нее Жорик и сдавил шею чуть сильнее. – Хелену нашу умудрилась на коня посадить.

– Да Хелена с коня и не слезает, считай, – хмыкнул санитар и оглянулся, то ли чтобы проверить своих подопечных, то ли чтобы убедиться, что начальницы нет поблизости. – А ты, голубушка, совсем отошала, смотрю, кожа да кости. Но ничего, у нас кухня отменная, как в ресторане. Откормят те-

бя быстро. Кормят тут как на убой.

Кормят на убой... а на убой не хочется. У нее совсем другие планы. Но Арина заставила себя улыбнуться санитару как можно приветливее. Если повезет, одним врагом будет меньше.

– Ишь, какая славная! – Тот тоже расплылся в улыбке, потрепал ее по щеке, достал из кармана робы леденец на палочке. – Угощайся, голубушка.

Леденец Арина взяла, глюкоза полезна для мозга. Только бы Жорик не отобрал.

– А где твой пятый? – спросил Жорик, косясь на леденец.

– Утихомирили. – Санитар поднялся с корточек. – К нему сегодня ночью приходила *сама*. Орал так, что пришлось будить дежурного врача. – Он понизил голос: – Что-то часто она в последнее время приходит.

– И чего хотела? – В сиплом голосе Жорика вдруг прибавилось трещинок.

– А кто ж ее знает! Ходит и ходит. Вот и Горохов ее зимой видел.

– Это который сторож? – уточнил Жорик.

– Он самый.

– Так Горохов и не просыхал, считай, а с пьяных глаз кто только не привидится. – Жорик замолчал, а потом вдруг спросил: – И какая она? То есть что Горохов про нее рассказывал?

Жорику было интересно, а Арина все никак не могла взять

в толк, о ком речь. Сначала она подумала о Хелене, но, по всей видимости, санитар имел в виду кого-то другого. Кого-то, чье появление в стенах этого заведения как минимум странно.

– Как призрак графинюшки выглядел? – Санитар погладил Арину по голове. – Да как тень. Платье длинное, прическа высокая, в кудрях, а в глазах – бесовской огонь. И говорила она Горохову: «Кончай водяру жрать!» – Санитар засмеялся, но смех у него получился странный, каркающий.

– Трепло ты, Степка! – Жорик зло сплюнул. – Выдумываешь всякое...

– А какой вопрос, такой и ответ. – Санитар Степка примиряюще вскинул руки. – Белочка к Горохову приходила, а не призрак, вот поэтому я за здоровый образ жизни, а ты...

Договорить он не успел, одна из дам тоненько завизжала:

– Цербер! Исчадие адово! Уберите! Уберите!!!

Перед дамой, метрах в пяти, сидел Блэк. Просто сидел и смотрел, Арине показалось, чуть удивленно.

– Да что же это сегодня творится?! – Степка хлопнул себя по тощим бокам и припустил к подопечной, которая к тому времени с ногами забралась на скамейку и голосила уже сверху:

– Адов пес по наши души грешные! Убери! Прогони, Степанушка!

– Лидия Петровна, голубушка вы моя, бегу, бегу!

Степка и в самом деле побежал, но не прямо, а по дуге,

огибая невидимого для обычных людей Блэка. Со стороны это казалось странным, и Жорик скептически хмыкнул, а потом сердито толкнул коляску вперед по аллее.

– Хорошо тут у нас, – послышался над самым ухом его сиплый голос. – Весело, да?

Вопрос был риторический, и Арина не стала отвечать, лишь едва заметным кивком головы отозвала Блэка. Если некоторые из здешних обитателей в самом деле способны видеть потустороннее, то нужно подумать, во-первых, о технике безопасности, а во-вторых, о призраке женщины, которая приходила в виде тени – тени! – к сторожу Горохову, Жорик и, вполне вероятно, к самой Арине тоже.

У главного здания, приземистого, двухэтажного, опирающегося на четыре колонны особняка, аллея делилась на две дорожки, огибающие буйно цветущую клумбу. Жорик свернул влево, подкатил кресло не к центральному входу, а к неприметной двери, нажал кнопку вызова, и дверь тут же распахнулась, впуская их в прохладный, пахнущий лекарствами коридор.

– Есть кто живой? – Крик Жорика эхом прокатился по помещению и затих как-то уж слишком быстро.

На его зов из-за ближайшей двери выглянула то ли медсестра, то ли санитарка, раздраженно замахала руками:

– Чего орешь?

– Привез на анализы. Принимайте! – Жорик приткнул кресло к стене. – Приказ самой.

– Ходячая? – То ли санитарка, то ли медсестра бросила на Арину раздраженный взгляд.

– Ходячая. – Жорик полной грудью вдохнул прохладный кондиционированный воздух, фыркнул как жеребец.

– Так чего сидим? Кого ждем?

– Это вы мне? – Арина не сразу поняла, что обращаются к ней.

– Нет, это я тени отца Гамлета! Взяли, понимаешь, моду – здоровых кобылиц в колясках как инвалидов катать!

Значит, все-таки санитарка, медсестры в этом заведении вымуштрованные. Арина медленно встала. Жорик даже не сдвинулся с места, чтобы ей помочь. Это хорошо, пусть держится от нее подальше.

– Новенькая? – Санитарка тоже не вмешивалась.

– Старенькая, из флигеля. – Жорик прижался спиной к стене, поскреб выпирающее из-под робы брюхо.

– Так она же вроде...

– Меньше болтай, Людка, забирай девку. Как управятся, позвони – я приду.

* * *

Кровь темно-бордовая, почти черная, цвета перспелой вишни, тянулась за поршнем шприца неспешно, словно нехотя. Процедурная медсестра озадаченно поглядывала то на Арину, то на уже почти полный шприц.

– Глянь-ка, цвет какой. – Санитарка Людка тоже смотрела на шприц как зачарованная. – Кровь черная, что деготь.

– Так уж и деготь, Людмила Васильевна! Скажете тоже.

– А то! Что я, кровищи не навидалась? Я ж всю жизнь в медицине. И в хирургии работала, и в стоматологии. Даже в морге доводилось. А такого вот не видела.

– Может, со свертываемостью что-то? – Игла вынырнула из вены, медсестра прижала к месту укола ватку, велела: – Жажмите!

Арина послушно зажала. Если бы ее спросили, она, возможно, рассказала бы, что свертываемость тут ни при чем, что кровь цвета переспелой вишни досталась ей в довесок к некоторым способностям, но ее никто не спрашивал. Да и кто станет хвастаться ведьмовскими талантами в стенах сумасшедшего дома?! Только сумасшедший и станет. А она нормальная, только ведьма.

После анализов были еще кардиограмма и энцефалограмма, затем взвешивание, после которого Арина осознала, как сильно похудела за последние месяцы.

– Кожа да кости, – сказала Людка и любовно погладила себя по крутым бокам, а медсестра лишь неодобрительно покачала головой.

Жорика вызвали через час. Был он мрачен, цыкнул на Людку, сунувшуюся было с разговорами, недобро зыркнул на Арину, но тут же отвел взгляд.

– Хелена велела, чтобы с анализами не затягивали, – бурк-

нул, ни к кому конкретно не обращаясь. — Садись, — ткнул пальцем в грудь, — покатаемся.

Палец был толстый, заскорузлый, с пораженным грибком ногтем. Арина сцепила зубы, чтобы не зашипеть, не отшатнуться. Прислушалась к себе, ожидая какого-нибудь другого отклика: не брезгливого отвращения, а того, что лежит за гранью, того, с чем она до сих пор не научилась управляться. Не было отклика. Черная кровь безмолвствовала. Значит, еще не время. Или Жорику просто повезло.

Обратно к флигелю ехали той же дорогой, и Арина снова смотрела во все глаза, запоминала то, что упустила в прошлый раз. Дорогую иномарку, приткнувшуюся у куста гортензии. Охранника в серой униформе с дубинкой на поясе и рацией в нагрудном кармане. Бронзовую табличку с завитушками и надписью «Дубки». Наверное, на заре существования поместья дубы и в самом деле были дубками. Тот, кто посадил деревья с любовью и заботой, знал, что никогда не увидит их зрелого величия. Гораздо проще высадить быстрорастущие тополя или липы и через несколько десятков лет наслаждаться прогулками по тенистому парку. Но хозяин усадьбы — или хозяйка? — выбрал дубы, предпочел мечту реальности.

Площадка для отдыха была пуста, санитар Степка развел своих голубушек и голубчиков по палатам. Других пациентов тоже не было. В этом месте и в самом деле оказалось очень тихо, только издалека доносился приглушенный стре-

кот газонокосилки. Санаторий... Или пионерлагерь... Чем же не угодила усадьба с уютным названием «Дубки» пионерам? В те далекие времена еще слыхом не слыхивали о частной собственности и рейдерских захватах. Все самое лучшее, самое экологичное отдавали детям. А дети вот... не захотели.

Зоя Петровна сидела на боевом посту, опираясь массивным бюстом о столешницу, и что-то записывала в расчерченный от руки журнал. Все двери, кроме той, что вела в Аринину палату, были закрыты.

– Забирайте!

Жорик не рассчитал. Или, наоборот, Жорик рассчитал все очень точно. Кресло не вписалось в дверной проем, прошло впритирку к косяку колесом и Ариными пальцами. Она закричала, прижала к груди руку с ссаженными до крови костяшками. Закричала не столько от боли – с болью она почти свыклась, – сколько от неожиданности и злости.

– Ой, не успела. – Жорик разглядывал ее окровавленную руку с нескрываемым удовольствием. Он улыбался. – Что ж ты неуклюжая такая?

Он стоял в дверном проеме каменным истуканом, лыбился и не подпускал к Арине Зою Петровну. Наслаждался чужими мучениями. Садист.

– Да пусти ты меня! – Медсестра протиснулась в палату, захлопотала вокруг Арины. – Больно, милая?

Больно, но она справится. Не с таким справлялась. Сейчас

нужно думать не о боли, а о том, чтобы Блэк и собственная ярость не сорвались с невидимой цепи. Нужно как-то сдерживать закипающую черную кровь. Или не сдерживать?

Боль в руке стихла, стоило только Арине сосредоточиться, отступила в тень, затаилась. Арина, наоборот, подалась вперед, встала из ненавистного кресла и, не обращая внимания на Зою Петровну, пошла на Жорика.

Смотреть в лоб, чуть выше переносицы. Смотреть и не отвлекаться ни на что, ни на голоса, ни на боль, ни на биение собственного сердца, ни на исходящий от Жорика смрадный дух. Черная кровь знает, что делать.

Жорик перестал улыбаться. Жорик, двухметровая громадина, сделал шаг назад, заморгал часто-часто, как готовый расплакаться ребенок, а потом сжал виски руками и закричал.

Арина тоже закричала. Раскаленная спица боли вонзилась в мозг, вошла в точку выше переносицы, провернулась, ослепила, сбила с ног.

Она лежала на боку, не в силах пошевелить даже пальцем, а рядом, скрючившись, валялся Жорик. По отвисшей нижней губе медленно стекала нитка слюны, и на полу у небритой щеки уже образовалась лужица. Веки Жорика мелко подрагивали, словно он спал и видел сон. С ее собственными глазами тоже было что-то не то, окружающий мир казался размытым и нечетким. Боль растекалась, наполняла собой черепную коробку, а к горлу неминуемой волной подкатыва-

ла тошнота. Ее вырвало, и в голове что-то взорвалось, снова ослепило, а потом погрузило во тьму...

– ...Какой-то приступ... Я не понимаю, что произошло. Они как-то одновременно... – Голос Зои Петровны дребезжал, как крышка на закипающем чайнике.

– Точно оба? – В голосе Хелены слышался интерес, такой острый, такой осязаемый, что ощущался даже из темноты. – И вы можете дать мне гарантию, что между ними не было никакого физического контакта?

– Не было, Елена Генриховна. Это же все на моих глазах произошло. На эпилепсию похоже... Как будто приступ. Сначала у него, потом у нее.

– Значит, эпилепсия... Сначала у него... Зоя Петровна, что у нее с рукой? – В голосе Хелены появился металл, ничего хорошего не предвещавший, а Зое Петровне нужна эта работа. Елена хорошо платит. – Что с рукой, я вас спрашиваю!

– Ссаднила... оцарапалась.

– Как оцарапалась? Из-за вашего недосмотра? – Голос Хелены смягчился, но мягкость эта была еще опаснее металла.

Зоя Петровна все поняла правильно.

– Это Жорж.

– Недосмотрел?

– Нечаянно. Елена Генриховна, я почти уверена, что нечаянно.

– Что он сделал?

– Не рассчитал. Он так сказал. Не рассчитал... слишком близко к двери. Вот она и зацепилась.

– Зацепилась рукой за косяк? Сама?

Молчание. Зоя Петровна борется с собственной совестью, просчитывает варианты. Она не злая, она поделилась с Ариной бутербродом, а теперь попала в неудобную ситуацию.

– Почему вы молчите? Хватит мямлить, мне нужны четкие ответы!

– Жорж толкнул кресло слишком сильно, и она не успела убрать руку с подлокотника. – Зоя Петровна говорила очень быстро, словно боялась передумать. – Если бы он не спешил и не дергался, все было бы хорошо. Но он поторопился...

– Дальше.

– Я хотела помочь, перевязать, но она не позволила.

– Почему? Это ведь, должно быть, очень больно.

– Не знаю. Не могу сказать. Она просто отмахнулась от меня, встала и пошла на Жоржа.

– Просто встала и пошла?

– Она же слабая совсем, против Жоржа что дите малое. Я думала, он ее остановит.

– А он?

– А он схватился за голову и закричал, а уже потом упал. И она тоже упала. Но никто никого не трогал, даже пальцем не прикасался. Клянусь!

– Не нужно клясться. Что еще за пошлость! – По полу процокали каблуки, и Хелена спросила: – Жорж, ты в поряд-

ке?

Ответом ей стало невнятное мычание. Жорж еще не в порядке, если не может изъясняться нормально. Это хорошо. Плохо другое – сама Арина тоже не в порядке. Головная боль почти прошла, но слабость такая, что даже дышать тяжело. Или ей снова что-то ввели, чтобы утихомирить?

– Жорж, ну что ты мычишь, как телок? Голова болит? Кружится? Сколько пальцев?

– Д-ва... – Жорик медленно, но верно учился разговаривать, а вот считать еще не научился.

– Три! Пил что-нибудь?

– Воду. Ничего крепче.

– Может, покурил?

– Хелена Генриховна... – Жорик застонал, завозился, видимо, пытаясь сесть. – Вы же меня знаете.

– То-то и оно – я тебя знаю. Ну так что с тобой приключилось?

– Перегрелся, наверное. Жарко... Но уже все хорошо, сейчас оклемаюсь. Только голова болит, собака.

– И у нее солнечный удар? От какого такого удара у нее кровь на руке, Жорж? И не смотри на Зою Петровну. Я не дурочка, вижу, когда меня пытаются обдурить. Ты нарушил инструкции.

В голосе Хелены не было ни злости, ни укора. Казалось, тот факт, что Жорик нарушил инструкции, ее даже порадовал. И Жорик это почувствовал, своим не совсем человече-

ским, а скорее звериным чутьем понял, что наказывать не станут, а если повезет, если он правильно разыграет карту, то и похвалят. Не при свидетелях, а кулуарно.

Арина тоже поняла. Жорик не отступится, с молчаливого дозволения Хелены будет третировать, издеваться, а Хелена станет делать вид, будто ничего не происходит, наблюдать со стороны за интересной пациенткой, поставленной в неинтересное положение. До смерти ее, пожалуй, не замучают, побоятся, но при осторожном подходе сделать с ней можно если не все, то очень многое. Жорик сволочь и садист, а вот интерес Хелены пока не совсем понятен. Кроме профессионального любопытства, должно быть что-то еще.

– Недоразумение случилось, Хелена Генриховна. – Судя по голосу, Жорик больше не боялся за свою шкуру. – Недосмотрел, каюсь.

– Оштрафую, – пообещала Хелена, но всем присутствующим было ясно – не оштрафует. – И вас, Зоя Петровна, если о случившемся... недоразумении станет известно за пределами этой комнаты. Или вовсе уволю. Вы ведь медсестра, ответственность в первую очередь лежит на вас. Опекун нашей пациентки – человек очень серьезный, с ним шутить опасно. Как думаете, что случится, если он об этом, вот об этом... недоразумении узнает? Тут уже не об увольнении речь пойдет, а о судебном разбирательстве. У вас есть деньги на хорошего адвоката?

– Хелена Генриховна... – Зоя Петровна плакала, и Арине

хотелось вцепиться Хелене в волосы. Это в лучшем случае.

– У вас, кажется, внучка на иждивении? Только это меня и останавливает от принятия радикальных мер. Растить ребенка в одиночку очень тяжело. Я все понимаю и рассчитываю на взаимное понимание.

Нет, вцепиться в волосы – это слишком мягко. Хелена заслуживает чего-то более... изощренного. Откуда у нее этот талант – ломать людей? Врожденный? Благоприобретенный?

– И перестаньте рыдать. Лучше посмотрите, как она. Нет, я сама.

Кровать – ее перетащили на кровать? – тихо скрипнула под Хелениным весом, и Арина едва не скрипнула зубами, когда лица коснулись твердые бесцеремонные пальцы, ощущали, оттянули верхнее веко.

– Поразительная устойчивость. – Пальцы исчезли. – Арина, вы меня слышите? Я знаю, что слышите.

А если знает, то зачем спрашивать?

– Нам с вами, дорогая моя, нужно быть очень осторожными. Вы еще не окрепли, плохая координация движения и, как следствие, травма.

Вот, оказывается, из-за чего травма. Из-за общей слабости и плохой координации. А Жорик – ангел с крылышками. Или сообщник?

– И этот приступ... Я ведь вас предупреждала, надо беречься, слушать рекомендации врачей. Мои рекомендации. – Прохладная ладонь накрыла ее пальцы, сжала крепко

и больно. — Мы ведь так славно ладили с вами все эти месяцы.

Конечно, славно. С каталепсичкой отчего же не поладить? А голова болит, просто раскалывается. Не помогают Хеленины лекарства.

— Откройте глаза, Арина. Я хочу видеть, что вы понимаете, о чем речь.

— Где мой опекун?

Веки тяжелые, налитые свинцом, еще попробуй подними. Но у нее получилось. Лицо Хелены плыло и двоилось. Две Хелены — это явный перебор, и одной более чем достаточно. Остальные присутствующие в комнате были вне поля зрения.

— Он занят, я же вам говорила. Но как только он разберется со всеми делами, сразу же придет. Вы очень много для него значите. Это так... трогательно.

— Когда?

— Скоро. Наберитесь терпения и сил. Вы же не хотите, чтобы он увидел вас такой.

— Какой?

— Вот такой! — В ладонь легло складное зеркальце, милая, очень недешевая безделушка: серебро, отделка полудрагоценными камнями. Арина не видела, скорее знала. И знание потянуло за собой воспоминание. Или видение? Вот только чье?

...Саксофон рыдает, оплакивает то, что никогда не вер-

нать. Не самая подходящая музыка, но он ее любит. Это видно, для этого не нужно никаких специальных ухищрений. Он любит саксофон, односолодовое виски и сигареты, хотя к саксофону и виски больше подошли бы сигары. Но ему, как ни странно, идут именно сигареты. И длинные, почти до плеч, пепельно-серые волосы идут, и усталый прищур пепельно-серых же глаз, и сизая щетина, которую все время хочется потрогать. Он слушает саксофон, пьет односолодовое виски большими, но неспешными глотками и через кисею дыма наблюдает за тем, как она подводит губы алой помадой. Мужчинам нравится алая помада, а что нравится ему, она скоро узнает...

Зеркальце выскальзывает из рук, падает к носкам его дорожных, но давно не чищенных туфель. Жалко будет, если разобьется. Вещица дорогая, купленная по случаю в Венеции.

– Прошу вас. – В одной руке он умудряется держать и сигарету, и подобранное с пола зеркальце. Не разбилось, это добрый знак.

– Спасибо, я такая неловкая.

– С кем не бывает.

А улыбка у него красивая. Чуть кривоватая, немного насмешливая. С этими длинными волосами, щетиной, сигаретами, улыбкой и нечищенными туфлями он похож на флибустьера.

– Хелена. – Она протягивает руку первой. Она современ-

ная женщина и не боится флибустьера с глазами цвета пепла.

– Андрей. – Протянутую ладонь он принимает бережно, осторожно касается поцелуем кончиков пальцев. Какой галантный ей попался флибустьер...

...Зеркальце – серебро, полудрагоценные камни – упало на пол, но перед этим Арина успела рассмотреть отражение. Не свое – Волкова. Оказывается, у них с Хеленой есть кое-что общее. Мужчина, похожий на флибустьера, в равной мере равнодушный и галантный, способный заинтриговать любую женщину, даже искусенную хищницу. Рысь волку не подружка. Волк нашел себе змею...

– Вам нехорошо? – Хелена, забыв об упавшем зеркальце, подалась вперед, сжала запястье, нащупала пульс. – Вам настолько не понравилось то, что вы там увидели?

Ей не понравилось. До такой степени не понравилось, что хочется выть, но... не дождутся! Ведьмы не плачут! Вот такой у нее теперь девиз.

– Но ведь это все поправимо. Выздоровление, конечно, долгий процесс, но если хорошенько постараться, если довериться...

Хелена говорила ласково, словно мать родная, но в глазах ее кружились хороводы снежинок, а от улыбки стыла кровь в жилах. Даже хваленая черная кровь не выдерживала...

– А опекун ваш приедет очень скоро. Обещаю. И к его прибытию мы должны вас как-то подготовить. Чтобы ни у кого не случилось шока. Вы меня понимаете?

Она понимает. От встречи с опекуном может случиться шок. Вот только у кого? У нее? У Волкова? Или, может, у Хелены? Интересно, Хелена знает про них с Волковым?

Подумала – и самой стало смешно, как беспомощно и наивно получилось. Когда-то, много месяцев назад, Волков был готов умереть за нее, а сама она едва не умерла, отвергая этот страшный дар единственно доступным способом. Тогда между ними в самом деле что-то было. Что-то настоящее, но слишком хрупкое, чтобы выжить в этом мире. И сейчас их с Волковым нет. Рысь волку не подружка. Есть пациентка и ее опекун. Жизнь изменила правила игры. В который уже раз...

– Я хочу позвонить. – У нее еще есть Ирка, есть Анук. Нужно только напрячься и вспомнить номера их телефонов. – Я хочу позвонить подруге.

– Сожалею. – Хелена развела руками. – Это против правил.

– А кто придумал правила?

– Я. – Хелена сунула зеркальце в карман халата. – В этом месте все правила придумываю только я, – добавила она так, чтобы расслышать смогла только Арина. – Хотите чего-нибудь еще?

– Хочу спать.

– Это легко устроить. – В вену воткнулась игла, и боль ушла, забрав с собой Хелену.

...Ей снился дом. Позолоченный закатными лучами фрон-тон с фамильным гербом в виде дубовой ветви. Мощные ко-лонны, слишком мощные, на ее вкус. Лестница в семь сту-пеней, нижняя со щербиной, в которой так и норовит за-стрясть каблучок, и приходится щербину обходить. До блес-ка вымытые стекла отражают пурпурное небо, и от это-го кажется, что дом пылает. Красиво и жутко, но скорее все-таки красиво. Большая круглая клумба с красными цве-тами. Она не знает, что это за цветы, но дает себе слово спросить у Карла Фридриховича. Карл Фридрихович Шток – садовник от бога. Петруше повезло, что Карл Фридрихович принял его приглашение, потому что своими силами они бы с обустройством парка не справились. Слишком много ди-кой земли, чересчур грандиозна задумка: огромный пруд, ду-бовый парк. Петруша так решил. Коль уж он граф Дубри-вный, то и в новом родовом гнезде место только дубам-ис-полинам. Чтобы память о нем осталась на века. А ей не хочется красоты после смерти, ей хочется красоту прямо сейчас: липовую аллею, которую папенька заложил в день ее рождения, чтобы весело, зелено и сладкий цветочный дух. Липы – дивные деревья, девичьи. Так сказал Карл Фридрихо-вич. И он же Петрушу уговорил аллею не вырубать, убедил, что дубам без других деревьев будет плохо, что в царстве

Флоры должна царить гармония. Женское начало, мужское начало. Тень и свет. Петруша сначала сомневался, а потом все-таки согласился с ее просьбами и доводами Карла Фридриховича, только пожелал, чтобы дубов в парке было много больше, чем других деревьев. Собственно, тем Петрушины пожелания и ограничились. Остальное – аллеи, фонари, парковые скамейки, беседки и цветники – он доверил ей, Лизе. И она радовалась этому доверию как ребенок. Радовалась, но боялась оплошать, даже в малой малости подвести любимого Петрушу.

– Не волнуйтесь, фрау Элиза. – Карл Фридрихович посаживал трубку, прятал в густых усах хитрую улыбку. – Вечер покажет, каким был день. Послушайте-ка лучшие, какая мысль пришла в мою седую голову.

И начинал рассказывать удивительное, а потом рисовать прутиком на дорожке схемы и чертежи. И она, Лиза, все-все понимала, хоть Петруша и говорил, что дамам в делах инженерных нипочем не разобраться. А папенька, царствие ему небесное, наоборот, наставлял: «Учись, Лизавета, всему, чему только можно. Умение за плечами не носить». И она училась, слушала папенькины рассказы, от гувернантки не пряталась, к прислуге приглядывалась. Однажды даже напросилась со Стешкой корову подоить. Пеструшка, самая спокойная из стада, стояла смирно, только косилась подозрительно, а когда Лиза слишком уж увлекалась, нервно переступала с ноги на ногу. Молока получилось

надоить полведра. Большие Стешка, девчонка, которая при-
сматривала за скотиной, не позволила.

— Довольно животинку мучить, — сказала и тут же испуганно носом шмыгнула, потупилась.

Лиза не обиделась и не разозлилась, вытерла сладко пах-
нущие молоком руки о подол платья, подхватила ведро,
чтобы папеньке показать.

Не показала: оступилась и растянулась посреди двора,
молоко пролила и даже всплакнула немного от обиды, а еще
от боли в оцарапанных коленках. Выручила Стешка, быст-
ро, не успели слезы высохнуть, надоила нового молока, но
ведро Лизе отдавать не стала, сказала, насунув белесые
бровки:

— Сама донесу, а то еще снова...

А папенька Лизины старания тогда очень хвалил, выпил
большую кружку принесенного молока, поцеловал дочку в
лоб, подхватил на руки и долго кружил, подбрасывал аж
до самого неба. Мама пожурела за испачканное платье, но
было видно, что она нисколько не злится, а ругается для
порядка, чтобы Лиза не забывала, как должно себя вести
воспитанной барышне.

А на Крещение, когда снега насыпало столько, что Ли-
за могла спрятаться за сугробом с головой, с папенькино-
го благословения кучер Яков взялся учить ее управляться
с запряженной в сани тройкой. Коренника поставили спо-
койного, тягловитого, а вот пристяжные попались с норо-

вом. Лизе казалось, что косятся они на нее с неодобрением и, стоит лишь дать слабину, понесут по накатанной снежной дороге за самый горизонт. Но боялась она только первое время, а потом освоилась, правила лихо и вполне уверенно и даже научилась бандитскому посвисту, как у Соловья-Разбойника. Свистеть так же громко, как у Якова, у нее не получалось, но и ее потуги вызывали одобрительную усмешку на по-цыгански смуглом Яшкином лице.

– Ай, молодца! Ай, лихая девка! Охлони, не гони! Вертаться пора.

Вертаться не хотелось, снег летел в лицо, Лиза радостно смеялась и отмахивалась от мороза шерстяной рукавичкой.

К дому вернулись в сумерках. Мама уже ждала на подъездной аллее – волновалась. На Якова глянула так, что тот миг словно стал меньше ростом, а на Лизу вовсе не посмотрела, лишь велела:

– В дом иди!

В доме ждали пироги с зайчатинной и чай с малиновым вареньем, а еще долгий разговор об ответственности. Мама говорила тихим голосом, но Лиза понимала: еще чуть-чуть – и она сорвется на крик. Не со зла, из-за волнения, из-за того, что дочь поступила безответственно, заставила родителей волноваться. А папенька молчал. Когда мама злилась, он старался не вмешиваться, прятался за газетой и клубами сигарного дыма, но на Лизу поглядывал одобрительно, даже подмигнул однажды, когда мама отвернулась.

Той крещенской ночью ей снилась метель. Метель кружила, окутывала жарким коконом, который приходилось разрывать руками, отлеплять от лица, чтобы сделать хоть один вздох. Утром Лиза проснулась совсем больной, с жаром и разрывающим внутренности кашлем.

Воспоминаний о болезни осталось немного: душиное одеяло, которое все время давит на грудь и от которого хочется избавиться. Холодные мамыны руки на лбу, которые слишком быстро нагреваются, но с которыми все равно легче. Питье, то горькое, то сладкое, но непременно горячее, просачивающееся сквозь крепко сцепленные зубы тонкими ручейками. Глухой папенькин голос: слов не разобрать, но она знает – папенька читает ей сказки Андерсена. Пусть бы про Русалочку, сказка про Русалочку прохладная и пахнет солью. Или про Снежную королеву, там вообще зима, а зимой не так жарко. Лиза сильная, ей нужно потерпеть. И она будет терпеть, потому что воспитанные барышни не могут позволить себе глупости в виде слез.

Иногда, кроме родительских, Лиза слышала и другие голоса. Они говорили непонятное, и после сказанного мама начинала плакать, хоть сама же учила, что слезы на публике – это дурной тон. Один голос был особенно настойчивый. Его Лиза слышала чаще остальных.

– ...Слабые легкие... никакого сопротивления болезни... Если выживет, потребуется длительное восстановление...

Она выживет! Назло голосу. Легкие, может, и слабые, но

сама она сильная.

— ...А если и не выживешь, не велика печаль. — Эта девочка, так похожая на нее саму, приходила все чаще, ложилась рядом в постель, гладила по волосам, заглядывала в глаза и улыбалась. — Уйдешь со мной. Будем играть, я стану рассказывать тебе сказки. Ты ведь любишь сказки?

— Люблю. — Только девочке, так похожей на нее, Лизе удалось ответить, только ее прикосновения забирали боль.

— Вот и я люблю. — Маленькая ладошка заслоняет свет ночника, и можно больше не жмуриться. Это хорошо. — Нам будет весело, обещаю.

А в груди у девочки золотая искорка, то вспыхнет, то почти погаснет. Как звездочка на ночном небе.

— Пойдем со мной.

И ей хочется уйти, но папенька с мамой расстроятся, потому что туда, куда зовет ее девочка с искоркой вместо сердца, им дороги нет.

— Не могу. Может быть, в другой раз. Хорошо?

— Хорошо. — Девочка соглашается легко, словно заранее знает, каким будет ответ, заплетает волосы в косу. Сначала Лизины, потом свои. Или коса заплетается сама?

— Расскажешь сказку?

— Расскажу. Выбирай любую.

— Расскажи сказку с хорошим концом.

— Сказок с хорошим концом не бывает. Если, конечно, это настоящая сказка.

Ей интересно, как сказка может быть настоящей, но спрашивать Лиза не станет. Не в этот раз. Она спрашивает другое:

— Мы еще увидимся?

— Я буду приходить, пока ты этого хочешь.

Девочка спрыгивает с кровати, отступает к стене. Свет от ночника падает так, что не разобрать: вроде бы девочка, а вроде бы тень девочки. Какие забавные иногда случаются сны...

Лиза пришла в себя на излете зимы, когда никто, даже папенька с мамой, уже не чаял. Открыла глаза, полюбовалась морозным узором на стекле, а потом своими ладошками — тонкими, полупрозрачными, как у девочки из сна, и как-то сразу поняла, что самое страшное позади, что с неминуемой весной вернутся и силы.

Папенька с мамой плакали. Оба. Обнимали ее, зацеловывали до сбивающегося дыхания и роняли соленые слезы на иссушенную за время болезни Лизину кожу. А потом мама кормила ее с ложечки и расчесывала волосы костяным гребнем, а папенька просто сидел в кресле и наблюдал. Он постарел за эту зиму, ввалились глаза, заострился подбородок, а в пышных усах появилась седина, и взгляд его был хоть и по-прежнему ласковый, но сторожкий, словно папенька все время ждал беды.

Не будет никакой беды! Все у них теперь пойдет хорошо. Лиза так ему и сказала.

Поверил ли? Ей очень хотелось, чтобы поверил.

Выздоровливала Лиза медленно, несмотря на все старания. Вставать на ноги ей не разрешали очень долго, а когда наконец разрешили, Лиза упала. Не зашиблась, даже ударились совсем не больно, но мама заплакала. В последнее время плакала она часто, нисколько не заботясь этикетом. А папенька ничего не сказал, поднял Лизу на руки, отнес на кровать, поцеловал в лоб и ушел.

Его не было долго, и на все Лизины расспросы мама отвечала с печальной улыбкой:

– Он вернется, ангел мой. Все будет хорошо.

Папенька вернулся к Пасхе, вошел в Лизину комнату большой и шумный, поцеловал сначала в щеки, потом в лоб, сказал ласково:

– А вот и я, Лизок! Погляди-ка, кого я привел!

Смотреть особо было не на кого. Невысокий неприметный мужчина расположился у раскрытого окна. Смуглая кожа, крючковатый нос и смоляные волосы, заплетенные в тонкую косицу. Примечательными у незнакомца оказались только глаза: черные и блестящие, как у вороны. Он и был похож на ворону, и даже голову поворачивал совершенно по-птичьи.

– Жак де Борей, – отрекомендовался незнакомец и подмигнул Лизе.

Только сейчас она увидела ипагу с сияющим эфесом.

– Елизавета Васильевна Степнова. – Лиза вспомнила ма-

мины уроки и, хотя мсье Жак ей не нравился, вежливо улыбнулась.

— Лизонька, мсье Жак станет твоим... — договорить папенька не успел, в комнату вошла мама, смерила гостя внимательно-настороженным взглядом и, словно пытаясь защитить Лизу от всех невзгод, встала между ней и гостем.

По сдержанным улыбкам, которыми они обменялись, стало ясно, что папенька познакомил их раньше. А еще было видно, что маме мсье Жак не по сердцу. Она ничем не выдавала свое нерасположение, но Лиза все равно знала.

— Мсье Жак был так любезен, — папенька торопился заполнить неловкую паузу, — что принял мое приглашение погостить этим летом в нашем доме.

По маминому лицу скользнула тень раздражения, но тут же исчезла, спряталась за вежливой улыбкой.

— Я буду вашим ментором, мадемуазель Элизабет. — Мсье Жак шагнул к кровати и тоже улыбнулся, только не маме, а исключительно ей, Лизе.

Эта улыбка изменила все, из почти урода превратила его в красавца, прогнала стылость из черных птичьих глаз, и Лиза вдруг неожиданно для самой себя подумала, что папенька поступил очень правильно, подарив ей мсье Жака на целое лето. Ментор — это же учитель? Гувернер? Наверное, мсье Жак повидал многое, наверное, его жизнь была полна опасностей и приключений, и если она попросит — а она обязательно попросит! — он ей все расскажет.

– Мне кажется это странным. – Мама не дала ей возможности ответить. – Елизавета в таком состоянии... ей нужны силы, чтобы окрепнуть.

– И я дам ей эти силы, мадам. – Мсье Жак склонил голову в едва заметном, но все же почтительном поклоне. – Уверяю вас, у меня есть все необходимые знания и навыки.

– Но доктор говорил... – Мама все еще колебалась.

– Доктор говорил, что Лиза не доживет до весны, – оборвал ее папенька. Наверное, впервые в жизни оборвал. – А она выжила. Она очень сильная девочка. Ей нужно лишь помочь, поставить на ноги и подтолкнуть.

– Когда человека толкают, он обычно падает.

– А когда опускают руки и перестают бороться, он умирает. – Папенька бросил быстрый взгляд на Лизу, проверяя, не обидели ли ее слова.

Не обидели. Что ж обижаться на правду! А выздороветь и в самом деле хочется, только вот ноги отчего-то не держат.

– Ольга! – Папенька обнял маму за плечи, сказал мягко: – Мы уже все перепробовали.

– И ничего не помогло. – Она прижалась лбом к его груди, но тут же выпрямилась, вздернула подбородок.

– Я помогу, – сказал мсье Жак тихо, но его все услышали. – Человеческий организм – удивительный механизм, он на многое способен. Иногда даже на невозможное. А дети сильнее взрослых. Мадемуазель Элизабет, если вы мне дове-

ритесь, обещаю, все получится.

– Я верю вам, – сказала она и залилась румянцем, а мама, наоборот, побледнела.

– Но должен предупредить – легко не будет. Будет больно, и слезы будут тоже. А я окажусь безжалостен, я забуду, что передо мной леди. И вы тоже забудете.

– Василий... – не сказала, а выдохнула мама, и в этом вздохе слышалась покорность судьбе.

– Все будет хорошо. – Папенька поцеловал ее в висок, а Лиза подумала, что теперь уж точно все будет хорошо.

Она ошиблась. То есть хорошо становилось, но очень медленно, а обещанных слез и боли было много. Мсье Жак оказался беспощадным... ментором.

Он начал с осмотра Лизиных ног, ощупал каждую мышцу, каждое сухожилие. Его пальцы были горячими и твердыми, а прикосновения совсем не бережными. Лиза шипела от боли, но старалась сдерживать слезы, а мама отворачивалась к окну, когда им обоим становилось совсем уж невозможно. После ног пришел черед спины. Тут руки мсье Жака были ласковы, а прикосновения почти невесомы, и Лиза позволила себе успокоиться, а мама приблизилась к кровати и ревниво следила за каждым движением мсье Жака.

– Все будет хорошо, – сказал он наконец, и во взгляде мамы Лиза увидела надежду. – Все еще можно исправить, но придется потрудиться.

– Это все из-за слабых легких?

– И из-за них в том числе.

– Но она не ходит...

– Она пойдет, а легкие можно тренировать. Сегодня же и приступим.

Ах, как же он был беспощаден, этот похожий на ворона чужак! Он придумал для Лизы упражнения и следил, чтобы она все делала правильно. А у нее ничего не получалось. Вот совсем ничего! Она плакала, от бессилия и злости до крови кусала губы, винила ментора в жестокосердии, а он внимательно выслушивал все сетования, а потом говорил:

– А теперь, мадемуазель Элизабет, повторите-ка последнее упражнение еще пять раз.

И она повторяла. Сначала пять, потом десять, а потом и все тридцать, чтобы в один прекрасный момент осознать, что невозможное становится возможным, стоит только захотеть. В начале июня Лиза встала на ноги и не упала, в середине месяца сделала первые шаги от своей кровати до окна и обратно. И пускай ноги не слушались, а поясница и вовсе грозила переломиться пополам, Лиза понимала – теперь у нее точно все будет хорошо. В тот день она перестала плакать, а мама начала улыбаться мсье Жаку. В конце июня Лиза впервые вышла во двор. Там и упала. Но падать в мягкую траву было совсем не больно, и она рассмеялась. И мсье Жак рассмеялся вместе с ней. Его смех казался похож на воронье карканье, но Лизу это больше не пугало. Жаркое солнце пугалось в его смоляных волосах, золотило

смуглую кожу, и Лизе он казался почти красавцем.

– Меняем методу, мадемуазель Элизабет, – сказал ментор, отсмеявшись.

– Все хорошо? – На их смех во двор вышла мама, приложила ладонь ко лбу, чтобы лучше видеть.

– Все прекрасно, мадам Ольга! Мы идем купаться!

– Нет, погодите! – Мама сбегала с крыльца. – Это совершенно невозможно! Лиза не умеет плавать!

– Значит, самое время научиться, – сказал мсье Жак таким тоном, что мама не стала перечить, а Лиза так и во все обрадовалась.

До пруда было недалеко, и всю дорогу мсье Жак нес Лизу на руках. Он шагал размеренно, дышал ровно, мышцы под тканью белоснежной сорочки бугрились, а в вырезе что-то тускло поблескивало. Не нательный крестик – что-то другое, круглое. Лизе хотелось спросить, что это, но она не стала, просто смотрела, как солнечный свет просачивается сквозь сплетение липовых ветвей, и думала о том, как это здорово – учиться плавать. Мама, идущая рядом, тоже думала о чем-то приятном, на губах ее блуждала мечтательная улыбка.

Вышли к пруду. В обрамлении старых лип он казался огромным зеркалом со стальным оттенком, как у ипаги мсье Жака. Мсье Жак бережно опустил Лизу в тень под кряжистой липой. Девочка упрямо встала на ноги, обеими руками обхватила шершавый ствол, а мама тут же под-

хватила ее за талию.

— Излишняя опека вредна не только будущим воинам, но и юным леди, — сказал мсье Жак и, сбросив башмаки, ступил на узкую полосу песка.

— Должно быть, вода холодная? — спросила мама, продолжая поддерживать Лизу.

— Вода прекрасная!

Не расстегивая, через ворот, мсье Жак стянул сорочку, швырнул на куст ивняка, потянулся. А Лиза не могла оторвать взгляда от его спины: мускулистой, загорелой, исполованной шрамами. Мама тоже смотрела, в ее взгляде была брезгливость пополам с жалостью. А мсье Жак вскинул вверх руки и с головой ушел под воду. Стальное зеркало пруда слабо качнулось и тут же успокоилось.

Его не было так долго, что взволнованная мама, позабыв о необходимости поддерживать Лизу, подбежала к воде. Черная волна с белым кружесом пены лизнула подол ее платья и наверняка замочила туфельки, но мама этого не заметила, она стояла, прижав обе руки к груди, и взглядом пыталась прощупать дно пруда. А Лиза нисколько не волновалась. Мсье Жак не из тех, кто может погибнуть так глупо. Просто у него очень сильные легкие, и сам он тоже очень сильный, несмотря на свой невысокий рост.

И она оказалась права! У противоположного берега черная пленка воды натянулась и лопнула, выпуская на поверхность сначала голову, потом загорелые плечи. Лиза услы-

шала, как шумно вздохнула мама, и сама вздохнула тоже, только не от облегчения, а от восхищения. Мсье Жак ответственно помахал рукой и неспешными, сильными гребками поплыл обратно. А мама, словно устыдившись проявленной слабости, наоборот, поспешно отступила от воды.

– Вы нас напугали, – сказала она сердито. – Так нельзя!

– Покорнейше прошу простить, мадам. – Мсье Жак улыбался, на лице его поблескивали капельки воды. – Это была всего лишь демонстрация скромных человеческих способностей.

– И я тоже так смогу? – спросила Лиза, замирая от восхищения.

– Вы сможете даже лучше, мадемуазель Элизабет! Вы очень сильная и выносливая. Ну, приступим? – Он говорил, но смотрел при этом не на Лизу, а на маму.

– Это точно не опасно?

– Не опаснее, чем бальные танцы, но гораздо полезнее. Вы присоединитесь к нам, мадам?

– Я?! – Мама, казалось, смутилась, а потом разозлилась: – Конечно же нет! Что за глупости?!

– В таком случае мы сами! – У липы, за которую продолжала цепляться Лиза, он оказался в два шага, склонился в шутовском поклоне, подхватил девочку на руки и шепнул: – Ничего не бойтесь, моя маленькая мадемуазель!

В реку мсье Жак вошел с Лизой на руках. Шел, неспешно погружаясь в черную воду. Когда вода лизнула пятки, Лиза

ойкнула, а мсье Жак рассмеялся, качнулся и разжал объятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.